

МОНИКА КРИСТЕНСЕН ГОЛЛАНДСКАЯ МОГИЛА

АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Моника Кристенсен
Голландская могила
Серия «Арктический
криминальный роман»
Серия «Шпицберген», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57102873
Голландская могила: Паулсен; Москва; 2017
ISBN 978-5-98797-187-1, 978-82-7547-793-2

Аннотация

Действие этого психологического триллера начинается с первой высадки туристов на Шпицберген, отправившихся в круиз на судне «Белый медведь» и посетивших Птичий мыс, где более 200 лет назад жили голландские и английские китобои. Единственное, что от них осталось, – кладбище с несколькими рядами деревянных гробов, которые когда-то были закопаны в вечную мерзлоту, а сейчас уже можно увидеть их крышки. Приподняв одну из них, туристы находят в гробу человеческую голову. И она явно принадлежала не голландскому китобою.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. «Белый медведь»	11
Глава 2. Высадка на берег	31
Глава 3. Находка	43
Глава 4. Полевые инспекторы	58
Глава 5. Нью-Олесунн	71
Глава 6. Управление губернатора	84
Глава 7. Догадки и домыслы	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Моника Кристенсен

Голландская могила

© Паулсен, 2017

© Monica Kristensen and Forlaget Press, Oslo 2008

Published by agreement with Copenhagen

Literary Agency ApS, Copenhagen

* * *

Пролог

В кабинете, расположенном в здании старой электростанции, было не продохнуть. Там, склонившись над чашками с самогоном и кисловатым кофе, сидели трое работяг из Нью-Олесунна. В своё время в это крошечное помещение с трудом втиснули обшарпанный диван, письменный стол, теперь приткнувшийся к стене, и колченогое конторское кресло без подлокотников. На стенах висели плакаты, напечатанные в пятидесятых и прикрывавшие самые отвратительные пятна. Механик притащил с собой обогреватель, и теперь тот тихо потрескивал, пытаясь победить подступавший с улицы холод. Утро ещё только занималось, и на ясном небе висела луна, заливая светом скованные стужей ледники вокруг Нью-Олесунна.

Научный городок располагался далеко на севере – дальше люди просто не выжили бы. Перед наступлением зимы учёные собрали приборы и уехали. Лаборатории опустели. Люди возвращались сюда лишь в апреле или мае, а основная исследовательская деятельность приходилась на лето. Однако были здесь и те, кто не уезжал, те, благодаря кому зимой жизнь в городке не умирала окончательно. Никто из зимовщиков особо не распространялся про полярную ночь или одиночество. Разговаривали они грубовато, а от их шуток, казалось, и молоко запросто могло скиснуть. Свободное вре-

мя они проводили в охотничьих избушках и гоняя на снегоходах.

Была суббота, и официально рабочий день уже закончился. Но наступали выходные, и впереди их ждал целый свободный день. Жители разбились на небольшие группки, чтобы пропустить стопку-другую перед тем, как разбрестись на заре по домам. Множество старых домов в посёлке уже больше тридцати лет стояли пустыми – жильцы уехали оттуда сразу после закрытия шахт.

Иногда трое друзей пробирались в один из домов, который когда-то принадлежал, видимо, какому-нибудь горному мастеру – давно умершему, рассаживались на сделанных в пятидесятых креслах, среди детских игрушек и пахнущих плесенью книг и проводили там не один весёлый вечер с бутылкой чего-нибудь покрепче. Но когда об этих ночных вылазках узнал начальник станции, им не поздоровилось. Он на несколько недель ввёл ограничения на употребление спиртного, и поэтому в этот раз неразлучная троица обосновалась в камерке механика в здании бывшей электростанции. Здесь было так холодно, темно и пыльно, что сюда никто бы и не подумал соваться.

Через час механику пришлось на несколько минут покинуть весёлую компанию. Он встал и вышел на лестницу, но двое собутыльников едва заметили его отсутствие. Туалет располагался в другом конце ветхого каменного здания, и путь туда пролегал по просторным залам с покрытыми пы-

лью генераторами. Механику эта дорога не нравилась. В привидения он не верил, но расхаживать по холодным тёмным помещениям, на стенах которых за много лет намёрзли сосульки, ему не хотелось. Поэтому он вышел через боковую дверь на улицу и пристроился на верхней ступеньке старой деревянной лестницы.

Ночь выдалась тихая и спокойная. Механик замер, слегка покачиваясь: лестница здорово обледенела, и поэтому его ноги в ботинках на деревянной подошве скользили. В этом году самые страшные морозы вновь пришли в марте. Стужа крепко вцепилась в городок и уже несколько недель не ослабляла хватки. Пару часов назад температура упала до минус сорока. Сейчас, правда, чуть-чуть потеплело, но механик всё равно постарался управиться побыстрее и вскоре уже застёгивал ширинку. Он замер и напоследок взглянул на небо над деревянными домиками Нью-Олесунна и на линию залитых лунным светом гор на горизонте. Лёд на морском берегу словно впечатывался в тёмное небо, а ещё дальше, совсем возле воды, поблескивал ледник Конгсвеген. Край ледника на пятьдесят метров вздымался над водой, так что на снегоходе заехать на ледник прямо с фьорда ещё никому не удавалось. Зато трасса, ведущая в Лонгиер, южнее проходила прямо вдоль берега, поднимаясь по крутым холмам к моренному валу, а на востоке взбиралась на горные кряжи.

Механик уже собрался было вернуться внутрь, когда заметил по другую сторону Конгс-фьорда, возле полуострова

Блумстрандойя, какое-то тёмное движущееся пятно. Зрением он отличался неплохим, но пятно было чересчур далеко. Не двигайся оно – механик вообще едва заметил бы его. Он прищурился и поёжился. Тёмное пятно двигалось необычайно быстро. Снегоход? Механик замер, перестал дышать и прислушался. Нет, ничего – только жужжание генераторов на новой электростанции неподалёку. И больше ничего. В эту ночь даже ветер не взметал в воздух снег, одеялом укутавший стены домов и поблёскивавший на морозе.

Сначала механик решил вернуться в помещение, а про пятно забыть. Но когда он вошёл в прокуренную каморку, то первым делом снял с гвоздя возле двери бинокль. Приятели взглянули на него, но даже и не заметили, что механик вновь вышел на улицу. Его не было ещё несколько минут, а потом он вернулся и молча опустился на конторское кресло. На этот раз его собутыльники почему-то прервали беседу и устали на него. Лицо его заливала какая-то сероватая бледность, а вокруг глаз виднелись красные круги от бинокля. Электрик вздрогнул. Что-то случилось – решили они с водопроводчиком.

– Там снегоход на льду. Похоже, на ледник едет.

Приятели молча, выжидая, смотрели на механика. Странно, что кто-то решил прокатиться на снегоходе именно сейчас, холодной тёмной ночью.

– Там, на льду около Блумстрандойя. И едет прямо на Конгсбреен.

Двое других медленно кивнули. Из-за приливов и отливов лёд возле ледника Конгсбреен нередко трескался, а по самому леднику передвигаться было крайне опасно. Порой люди падали в ледниковые трещины и разбивались насмерть. Год назад ледник выбросил старый снегоход – когда-то давно на нём ездил один из туристов. Тогда все местные жители ждали, что лёд вскоре вернёт и самого туриста – или, точнее говоря, его останки.

– Да уж, ночью там ездить опасно, – медленно произнёс электрик, судя по диалекту, уроженец Южной Норвегии, – но это ж наверняка кто-то из Нью-Олесунна? Значит, и дорогу знает, верно?

Механик покачал головой. Кое-что ему совсем не нравилось. Он понимал, что расскажи он все начистоту – и придётся очень пожалеть. Над ним потом всю зиму будут насмеяться. И возможно, протрезвев, он откажется от своих слов. Но как раз сейчас остановиться он был уже не в силах. Его прямо-таки распирало.

– Я в бинокль поглядел. Смотрю – а на снегоходе двое. А у того, что сзади сидел... – механик схватил бутылку со спиртом и жадно отхлебнул прямо из горлышка, – у него, похоже, головы-то и не было. Тело вроде как было, но только до плеч.

Глава 1. «Белый медведь»

Первое в этом сезоне туристическое судно медленно отчалило от пристани в Лонгиере. На носу поёживались от холода те немногие храбрецы, кто отважился на это путешествие. Мотор громко заревел, а вода между причалом и обшивкой судна забурлила под лопастями винта. Корма медленно отдалялась от причала, и капитал на мостике довольно улыбнулся: ещё бы, он управляет настоящим полярным кораблём, спереди и сзади оборудованным боковыми подруливающими устройствами. Как и полагается туристам, пассажиры захлопали в ладоши, а кто-то даже закричал: «Ура!»

Кучка зевак на пристани могли сами убедиться в том, что «Белый медведь» – прекрасное судно. Ни следа ржавчины, а оба борта щедро выкрашены в красный цвет. Денег на судно не пожалели – и это каждому было ясно. Братья Ольсен, бизнесмены из Тромсё, сами неоднократно совершали морские рейсы на Шпицберген, а недавно стали владельцами круизного судна. Они наблюдали за отплытием, пока судно не скрылось из виду. Они гордились собой.

С погодой, надо сказать, не повезло. С утра над арктическими островами образовалась зона низкого давления. Опустившись на воду и лёд, тёплый воздух устремился на север. В устье фьорда выросла стена липкого серого тумана, закрывшая вид. Теперь те, кто находился на носу «Белого

медведя», могли разглядеть лишь нечёткие контуры там, где прежде были Лонгиер и горы. Кое-где ещё виднелись пятна грязного снега. Дороги раскисли, и на подошвы, одежду и колёса налипали комки несмываемой грязи. Для арктического туризма июнь был, пожалуй, самым неподходящим месяцем. Но ничего – как только судно отойдёт подальше от берега, погода наладится, и настроение у туристов наверняка улучшится.

К сожалению, пассажиров на борту было чересчур мало – явно недостаточно, чтобы расходы окупились. В круиз под названием «Арктическая мечта» – первый круиз сезона – отправились всего семь человек, большинство из них англичане. Сейчас все они, несмотря на пронизывающий холод, стояли у борта, стараясь не упустить тот момент, когда судно выйдет из Ис-фьорда. Это в основном были люди средних лет, которым пришлось экономить – поэтому они и ограничились самым дешёвым вариантом путешествия на Шпицберген. Однако судно было настоящим китобойным, отремонтированным и приведённым в порядок. Обшивка корпуса была достаточно крепкой для полярных рейсов: изначально судно предназначалось для китового промысла в Антарктике. Кое-где к северо-востоку от Лонгиера лёд на Ис-фьорде ещё не сошёл, но «Белый медведь» смело двинулся по льдинам прямо в открытое море.

Вообще-то июнь – не самое подходящее время для круиза. Один из братьев говорил об этом ещё прошлой осенью.

Но слова его пропустили мимо ушей, ведь второй брат вложил в проект намного больше средств. Чем раньше они начнут, тем больше заработают – так он решил. Поэтому они разместили объявления в норвежских и зарубежных газетах. К удивлению младшего брата, этого оказалось достаточно, чтобы клиенты начали звонить по указанному номеру и бронировать каюты. Только вот первый круиз, стартующий из Лонгиера 19 июня, собрать оказалось непросто.

Судовладельцев связывали узы семейные, но друзьями они не были. Они часто не соглашались друг с другом, зато и ссорились редко. Вместе они пережили немало разочарований в бизнесе, однако друг без друга не справились бы: ни у одного из них не было достаточно денег, чтобы выйти из множества акционерных обществ, владельцами которых они являлись. Внешне они были на удивление похожи: тучные и круглоголовые, с жидкими волосами и одутловатыми лицами, но с невероятно обаятельными улыбками.

Прошлая осень выдалась суматошной. Если бы братья заранее знали, сколько им нужно будет оформить сертификатов и деклараций, чтобы организовать туристические круизы на Шпицберген, они бы вообще не стали ничего затевать. Но они всё же были бизнесменами и уже немало вложили в разные связанные со Шпицбергенем проекты, начиная с нефтеразведки и поисков золота и заканчивая небольшой авиакомпанией и отельным бизнесом. Но пока все эти предприятия оставались неприбыльными. Их деловые партнёры

в разных банках – а таковых пришлось завести много – давно перестали восхищаться дорогими ужинами в лучших ресторанах Тромсё, куда их водили братья. Так что новоиспечённым судовладельцам пришлось самим думать, где раздобыть деньги. На них уже висел долг, и поэтому с пассажиров потребовали оплатить поездку за несколько месяцев вперёд.

Персоналу судовладельцы платили не слишком щедро и даже слегка нарушали установленные тарифы по зарплате, но, несмотря на это, экипаж они подобрали неплохой: капитан, который давно уже вышел на пенсию, штурман, которого выгнали с предыдущего места за ругань с начальством, пьющий (правда, не всегда, а лишь время от времени) механик, у которого не хватало сертификатов, стюард, работавший в Нью-Олесунне, а сейчас взявший отпуск и отправившийся в этот рейс просто потому, что ему вдруг захотелось, и, наконец, весёлый молодой матрос.

Вообще-то в экипаже судна подобного типа должно быть на одного человека больше, и поэтому гид, которую они наняли в последний момент, должна была также выполнять обязанности матроса и буфетчицы. Она была шведкой, что один из братьев считал преимуществом, а другой – катастрофой.

Гид уже два месяца прожила на Шпицбергене. Чтобы подзаработать, она бросила учёбу в Стокгольмском университете и отправилась сюда. Сначала она сидела на телефоне, помогая судовладельцам бронировать каюты, а помимо этого

оформляла разрешения на посещение различных географических и исторических достопримечательностей.

В обязанности Анетты входило также поддерживать связь с управлением губернатора острова, которое осуществляло здесь функции полицейского отделения. В основном эта связь ограничивалась встречами, на которых Анетта узнавала о действующих правилах охраны окружающей среды. Впрочем, по окончании встречи девушка благополучно обо всём забывала. С губернатором острова Хансом Бергом Анетта лишь однажды встречалась лично – и то случайно столкнувшись с ним в приёмной. Она решила во что бы то ни стало произвести на него хорошее впечатление – на тот случай, если потом попадёт в какую-нибудь передрагу, – и поэтому наградила губернатора своей самой обворожительной улыбкой. Губернатор же всё равно ограничился лишь коротким приветствием.

Анетта его слегка побаивалась: это был её первый год на Шпицбергене в качестве гида, и ей не хотелось, чтобы из-за каких-то недочётов её уволили. Её новый работодатель – судоходная компания – никаких гарантий не давала. Анетта старалась читать и узнавать как можно больше про заповедные зоны и достопримечательности Шпицбергена.

Дрожащие пассажиры, которым надоело любоваться льдинами и размытыми очертаниями гор, пошатываясь, спустились в салон вскоре после того, как «Белый медведь» от-

чалил. Некоторые из них прибыли на причал сразу из аэропорта и едва успели к отплытию. Анетта устроилась в углу с блокнотом в руках и начала подсчёт. Не снимая верхней одежды, туристы расселись в зелёных плюшевых креслах. Чтобы привлечь к себе внимание, гид похлопала в ладоши.

– Дорогие пассажиры! Добро пожаловать в круиз вдоль западного побережья Шпицбергена, – чуть запинаясь, проговорила она по-английски. – Ваше путешествие будет по-настоящему волшебным, и мы сделаем для этого всё, что от нас зависит. Я ваш гид, и вы можете обращаться ко мне в любое время дня и ночи с любыми вопросами, – она слегка поклонилась, – номер моей каюты – 203. Это прямо по коридору и налево.

Стюард, спрятавшийся в углу за газетой, довольно улыбнулся. «Что ж, будем знать», – подумал он. По меркам Шпицбергена стюард был настоящим ветераном: он провёл на архипелаге уже больше двадцати зим. Большую часть времени он находился в Нью-Олесунне, почти заброшенном шахтёрском городке далеко на севере. Сам он предпочитал отдыхать в более тёплых уголках земного шара. Выкладывая кучу денег (по слухам, почти двадцать тысяч крон) за то, чтобы прокатиться вокруг Шпицбергена на тесной лодчонке, люди просто не представляют себе, на что подписываются, – так он считал.

Гид тем временем продолжала:

– Прямо напротив меня живут супруги Тюбринг. Госпо-

дин и госпожа Тюбринг, встаньте, пожалуйста. Клара и Пер Кристиан? Кстати, ничего, если я выдам ваш маленький секрет и скажу, что вы здесь в свадебном путешествии?

Клара и Пер Кристиан встали, и было видно, что они смущены: Тюбринги уже явно разменяли пятый десяток.

– Госпожа Лорелей Хемминг и её дочь Ада, – две женщины – одна, одетая в твидовое пальто, а вторая – во что-то цветастое – встали и натянуто улыбнулись.

– С другой стороны от моей каюты живет Роланд Фокс. Господин Фокс – известный фотограф и работает в Лондоне, в газете «Evening Standard». Если все мы очень попросим, то, возможно, во время путешествия он перед нами выступит.

Однако Роланд Фокс явно не пришёл в восторг при мысли о выступлении.

– И, наконец, инспектор Себастьян Роуз и его супруга Эмма из Бристоля. У нас на борту – настоящий главный инспектор британской полиции. Повезло, правда?! Супруги Роуз живут дальше всех в большом «люксе». И если вы вдруг найдёте на борту труп, то знаете, кому сообщить! – и Анетта засмеялась над собственной шуткой. Но пассажиры пока ещё толком не познакомились, поэтому смеяться не спешили. – Итак, ещё раз приветствую вас на борту. Ваш багаж уже в каютах – надеюсь, ничего не перепутали. Увидимся за приветственным коктейлем – назовём его «Ледокол» – здесь, в салоне, перед ужином. Ужин начинается в семь в кают-компании. Она находится на палубе над нами. После ужина я

приглашаю вас снова в салон – мне хотелось бы более подробно рассказать, что именно мы увидим и какие достопримечательности посетим во время нашего удивительного путешествия под незаходящим солнцем полярного дня! – Анетта улыбнулась так, что у неё скулы светло, и поклонилась под жидкие аплодисменты. Она надеялась, что туристы мало-помалу расшевелются – иначе путешествие будет невыносимым.

Пассажиры разбрелись по каютам, и стюард вновь спрятался за газетой, однако, когда мимо него, зажав под мышкой папку, пробежала Анетта, он опустил газету и посмотрел ей вслед. А она вполне ничего. К тому же практически коллега.

Супруги Роуз прошли к себе и оглядели обставленную с претензией на роскошь каюту. Совершенно случайно увидев в газете объявление, миссис Роуз позвонила в круизную компанию, и те выслали ей проспект. Супруги выбрали самую дорогую каюту. Прежде они так не делали, но, во-первых, они почти никогда не ездили в отпуск, а во-вторых, то, что ей вообще удалось уговорить супруга на это арктическое путешествие, миссис Роуз считала чудом. Как правило, мистер Роуз ограничивался рыбалкой в Шотландии или короткой вылазкой в Дублин на выходные. Но около года назад Себастьян Роуз тяжело заболел, и эта болезнь многое изменила.

Эмма сняла голубую шаль и положила на стул новый се-

рый пуховик. Она заглянула в ванную и одобрительно кивнула. Просторно, составители проспекта не обманули.

– А ты не хочешь раздеться? – она взглянула на супруга – высокого и худого мужчину, одетого в старую чёрную куртку, которую обычно он надевал на улицу. Некоторые вещи в карманах этой куртки пролежали там уже лет двадцать. Порой – когда ситуация того требовала – инспектор с торжествующим видом вытаскивал вдруг из кармана моток бечёвки, или ржавый гвоздь, или перочинный ножик.

Себастьян Роуз подавил в себе желание ответить горячо любимой супруге, что он не ребёнок и такая опека – это уж чересчур. Но он понимал, что insult, пережитый им год назад, напугал скорее её, а не его. Поэтому он лишь мягко сказал:

– А у тебя нос такой красный, что в темноте наверняка будет светиться.

– Себастьян, я серьёзно. А кстати, как тебе знакомство? Мы же просили, чтобы они никому не рассказывали, что ты следователь!

– Ну да, но эта девочка – кстати, очень милая – и не рассказывала. Она только упомянула, что я старший инспектор британской полиции. Может, я работаю в дорожной полиции?

Эмма поджала губы и решила, что те, кто осмелится потревожить её мужа во время отпуска, будут иметь дело с ней. Ему нужно отвлечься и сменить обстановку. Эмма смутно

догадывалась, что он чувствует себя подавленным. Перестав работать, он начал впадать в длительные приступы депрессии, и никому – ни друзьям, ни коллегам, ни ей самой – вытащить из них Роуза не удавалось. Он просто-напросто отказывался говорить о болезни.

В другой каюте, дальше по коридору, мать и дочь Хемминг тоже сняли верхнюю одежду и теперь распаковывали чемоданы. Старшая миссис Хемминг была недовольна почти всем, в том числе и знакомством с гидом.

– И с какой вообще стати она так расхваливала этого Роланда Фокса? А про Роузов говорила так, словно те – знаменитости! Да он всего-навсего инспектор полиции! И что в этом такого особенного? А каюта – почему, интересно, у них такая огромная каюта? Намного больше нашей! Раза в два! Наша по сравнению с той – просто жалкая каморка. Она в их ванную целиком поместилась бы. С другой стороны коридора тоже есть каюта, я в неё заглянула – она точь-в-точь как их, но там никто не живёт. Тогда почему бы не поселить туда нас?

– Мама, ты что, шутишь? Разве неясно, что за люкс они и заплатили больше всех остальных?

Ада Хемминг скривила рот – отчасти недовольно, а отчасти озабоченно, совсем как мать. Хотя друг от друга их отделяли тридцать лет, а разница в весе составляла килограммов двадцать, казалось, будто лицо матери отражается в лице до-

чери. Такое сходство возникает только благодаря общим генам.

– А что я писатель – уж об этом-то она могла упомянуть? Ты же знаешь, как важно собрать информацию прямо на месте, там, куда я приезжаю! Поэтому необходимо, чтобы люди вокруг знали, кто я такая.

Дочери никогда и в голову не пришло бы признать это вслух, но она понимала, что слава за её матерью тянется скорее дурная: её путевые заметки отличались обилием ненужных деталей. Бог знает, каким образом, но ей удавалось уломать крошечное издательство в Кембридже, чтобы они издавали её творения. Дочери казалось, это просто потому, что директор издательства и её мать когда-то вместе учились. Сам же директор убеждал её, что у миссис Хемминг имеется постоянный круг читателей. И хотя её заметки не назовёшь ни увлекательными, ни актуальными, читатели ценят в них именно точность.

– Твоя мать пишет не для вульгарной современной публики, которая читает книги и тут же их выбрасывает, – высокопарно заявил он однажды. – Она писатель будущего, когда читатель превыше всего ценит качество. Пусть книги у твоей матери неинтересные – зато они содержат точную информацию.

Удивительно, но их маленькой семье хватало на жизнь дохода от продажи этих книг. Дочь выполняла обязанности маминого секретаря и помогала ей со сбором «информации»,

как это называла мать. Но известной писательницей та не была. К тому же её книги никогда не переводились на скандинавские языки.

Из каюты 202 то и дело слышался радостный смех и – время от времени – громкий визг. Супруги Тюбринг явно стремились получить от своего свадебного путешествия как можно больше. Несмотря на это, Роланд Фокс в соседней каюте спал как убитый, завалившись на койку прямо в куртке и сапогах.

Гид прислушалась к звукам, доносившимся из других кают, и порадовалась, что сумела настоять на своём и её всё-таки поселили вместе с туристами, а не с экипажем, члены которого жили на палубе, расположенной над салоном. Анетта ещё раз полистала лежащие в её папке описания достопримечательностей, которые туристы увидят по пути следования.

Спустя час туристы вспомнили про приветственный коктейль и нестройными рядами зашагали в сторону кают-компаний. К первому ужину на борту они нарядились, насколько позволяли возможности и содержимое чемоданов. Постарались все, кроме Роланда Фокса – тот по-прежнему был в зелёной армейской рубашке и брюках цвета хаки. Похоже, он никак не желал расставаться с образом бывалого, объехавшего весь мир фотографа. В кают-компаний он выбрал столик возле самого входа, и не зря: ведь если туристы увле-

кутся тостами, ему будет проще сбежать оттуда.

Анетта стояла возле столика с едой. От волнения щёки у неё порозовели, и сейчас девушка выглядела невероятно хорошенькой. По крайней мере, так казалось стюарду, который время от времени заглядывал в круглое окошко в двери, отделявшей кают-компанию от камбуза. Ради такого случая стюард придумал коктейль, состоящий из водки, лимонного сока и голубого ликера «Болс». Кубики льда ещё совсем недавно были ледником – стюард сам выловил их, и сейчас они лежали в большой миске и потрескивали. Анетта щедро насыпала лёд в бокалы. Каждому из пассажиров, подошедшему за бокалом, пришлось выслушать объяснение, почему лёд потрескивает: оказывается, это происходит под действием высокого давления в пузырьках воздуха, которые прячутся внутри этих древних кусочков льда. Лорелей Хемминг фыркнула. Все это она и раньше знала.

В кают-компанию вошёл капитан и окинул взглядом собравшихся. Вообще-то экипаж поужинал час назад, но капитан чувствовал ответственность перед пассажирами и поэтому явился сюда, облачившись в тёмно-синий джемпер с молнией на воротнике. Как правило, этот джемпер лежал в шкафу и надевался лишь в самых исключительных случаях. В обычное время капитан предпочитал неформальный стиль и носил футболку, а поверх неё – обычный вязаный свитер. Кроме того, он надевал ещё и ботинки на деревянной подошве – к ужасному раздражению штурмана, который за-

явил, что подобная безответственность наверняка приведёт к несчастному случаю на борту.

Капитан представился и приветствовал туристов по-английски, но так скверно, что пассажиры сначала вообще не разобрали, на каком языке он говорит.

– Надеюсь, вам здесь понравится. У нас такая команда, лучше которой и придумать сложно, а стюард вообще имеет высшую квалификацию. Присматривать за вами будет Анетта, она лучший в мире гид и окончила Стокгольмский университет. Прошу тех из вас, кто хочет побывать в рубке и машинном отделении, заранее сообщить мне, и я лично проведу экскурсию. Если вам захочется просто пофотографировать, буду рад видеть вас в рубке в любое время. Однако лучший вид на окрестности открывается с носа. Во-он оттуда!

Анетта и туристы захлопали в ладоши и осушили бокалы. Настроение у всех постепенно улучшалось. Главным блюдом ужина было ассорти из тушеного мяса, которое стюард приготовил из найденных в холодильнике остатков, а подали к нему вино и пиво. Вскоре пассажиры прониклись расположением друг к другу, капитану, да и вообще к судну. Их больше не раздражал туман, словно липнувший к обшивке судна и окружающему пейзажу. Их даже не тревожило, что из-за сильной качки на столы положили штормовые бортики. Анетта радостно предвкушала, как после ужина они все пойдут в салон, где она с блеском сделает доклад.

Когда пассажиры, весело переговариваясь, пришли в са-

лон, там уже сидела миссис Хемминг. Её дочь Ада слишком хорошо знала свою мать и догадалась, что у той на уме, поэтому сослалась на головную боль и ушла в каюту. Анетта лучилась доброжелательностью, подогретой двумя бокалами коктейля и порядочной порцией вина.

– Итак, мы вышли из Лонгиера примерно в пять вечера, – её английский заметно улучшился, – и прибудем в Нью-Олесунн завтра к обеду. Мы только что проплыли мимо необычайно интересного места, которое называется Остров мертвецов, но приставать здесь к берегу мы не будем. Жаль, верно, инспектор Роуз? Ведь вам-то наверняка хотелось бы взглянуть на него, – Анетта пыталась вывести туристов из полусна, но наградой ей было только громкое фыркание миссис Хемминг. – Нью-Олесунн достоин отдельного рассказа, – быстро продолжала Анетта, – и завтра после обеда я подробнее расскажу вам об этом уникальном месте. Сегодня ночью слева мы увидим большой остров, который назван Землёй Принца Карла в честь Чарльза, сына английского короля Джеймса, – Анетта искренне надеялась, что никто не станет подробно расспрашивать её об этом Чарльзе, потому что больше ничего о нём не знала. – Вся территория острова представляет собой национальный парк, и кое-где здесь вообще запрещено причаливать к берегу. Мы обойдём вокруг острова, но в пролив Форланнсуннет заходить не будем, так как он чересчур узкий и мелкий. Тем не менее, нас ждут две остановки в восточной части – в Сент-Джонс-фьорде и

в заливе Энгельсбукта. Во время остановок у нас появится возможность сойти на берег и пофотографировать. Однако помните, что там запрещено – и исключений не бывает – брать что-то на память, рвать цветы или мох. До берега мы доберёмся на скоростной резиновой лодке, и будет это сегодня в одиннадцать вечера. Это, конечно, поздно, но не беда: в июне на Шпицбергене всю ночь светло.

Миссис Хемминг кашлянула, выпрямилась и выпятила грудь, став похожей на орла, готового атаковать жертву.

– Мы что, полезем вниз по верёвочной лестнице, а потом будем прыгать в резиновую лодочку? И всё это – во время качки? – судя по тону, миссис Хемминг была не очень высокого мнения об этой затее. – И что вообще нам делать на берегу? Зачем нам вообще высаживаться у этого Сент-Джонс-фьорда?

– О, там очень красиво... Высокие горы по обоим берегам фьорда и ещё... ну... – Анетта явно не ожидала, что кто-то воспримет её предложение в штыки.

– Это мы знаем – с вашими проспектами все ознакомились. Но увидим-то мы что конкретно? Там есть захоронения? Культурные объекты? Может, жилища промысловиков или горные образования, представляющие геологический интерес? Животные? Или птицы? Так что же именно? – к сожалению, миссис Хемминг, очевидно, получала удовольствие от этого разговора и была настроена продолжать его ещё долго. Но остальные пассажиры, за плечами

у которых был изнурительный перелёт до Лонгиера, совсем вымотались. После ужина их разморило, а теперь, когда «Белый медведь» вышел из Ис-фьорда в открытое море, судно слегка покачивало на волнах, туристов охватила приятная дремота. Они начали вставать и разбредаться по каютам, так что вскоре в салоне остались лишь Роланд Фокс, миссис Хемминг и Анетта.

– Ну ладно, – сказал Фокс, положив конец препирательствам, – вот доберёмся до Сент-Джонсфьорда и тогда обсудим всё подробнее.

После ужина капитан прошёл в рубку, хотя вахта была не его. Впрочем, он вполне имел на это право, ведь капитан-то всегда на работе. Однако штурмана, который любил покомандовать матросом, это разозлило. Во-первых, в присутствии капитана покомандовать особо не получалось, а во-вторых, приходилось выслушивать долгие рассказы обо всех тех рейсах, в которых капитан когда-то побывал по заданию Норвежского института полярных исследований.

Из-за тумана «Белый медведь» двигался не на полной скорости, но капитан, тем не менее, подошёл к рычагу переключения скоростей и ещё немного подрегулировал его, так что теперь судно вообще сбавило ход и еле ползло, с трудом преодолевая качку и встречное течение.

– На такой скорости мы до Нью-Олесунна и к ночи не доберёмся, – недовольно пробурчал штурман, поглядывая на радар, чтобы не пропустить айсберги.

Капитан вдруг понял, что совершенно забыл сообщить экипажу об остановках и вылазках на берег. Он поспешил в свою каюту, расположенную прямо под рубкой, и расписал маршрут на листке бумаги, который потом повесил на доске объявлений в кают-компании. Когда он вернулся в рубку, столкнулся со stewardом. Тот только что перемыл всю посуду, и руки у него покраснели.

– Надеюсь, вы учтёте вывешенную в кают-компании информацию, – сказал капитан, обращаясь к матросу. В ответ тот лишь молча улыбнулся: он прекрасно знал, что ещё десять минут назад в кают-компании ничего не висело. А вот штурман попался на удочку.

– Что ещё за информация? – подозрительно спросил он.

– Надеюсь, вам известно, что сегодня вечером мы заходим в Сент-Джонс-фьорд. Пассажирам уже сообщили, что через час у них экскурсия на берег. Это как раз твоя вахта, – капитан кивнул штурману, – приготовь всё к спуску лодки. Вывесите трап. И кому-то из экипажа придётся сопровождать их на берег. Возьмите ружьё. И патроны не забудьте. Ещё не хватало, чтобы на вас белый медведь напал.

Капитан с довольным видом обошёл рубку ещё раз и вернулся в каюту. Штурман тихо, но смачно выругался, а вот steward всерьёз забеспокоился. Он прекрасно знал всё западное побережье.

– У этого судна низкая осадка? – спросил он. – В Форланнсуннете довольно мелко – мы там точно пройдем?

Об этом штурман не подумал. Он подошёл к маленькому закутку в задней части рубки и вытащил оттуда морские карты и лоцманский журнал.

– Впритык, – ответил он, – но придётся постараться. Вдруг мы вообще на мель сядем? Тогда круиз у нас получится недолгим.

Стюард согласился с ним:

– Я бы рисковать не стал. Осадка у нас почти пять метров. К тому же прямо посреди Сент-Джонсфьорда есть рифы. Нет, слишком рискованно.

Спустя пару часов пассажиры собрались на палубе, но их хорошее расположение духа уже улетучилось. Несмотря на тёплую одежду, они мёрзли и с нетерпением ждали вылазки на берег. Поменявшиеся планы ещё сильнее испортили всем настроение, и пассажиры неохотно разошлись по каютам. Анетта побежала в рубку и попыталась уговорить штурмана изменить решение, но на долгие споры у неё просто не хватило сил.

Капитан ничего не слышал – всё это время он проспал в большой капитанской каюте под рубкой. Хотя возможно, что сквозь сон до него доносился топот на лестнице, потому что ему вдруг привиделся кошмар, в котором «Белый медведь» наткнулся на мель и так сильно накренился на один бок, что пассажирам пришлось лезть на нос по корме. В корпусе образовалась гигантская трещина, из которой в его каюту хлынула вода.

Через час капитан проснулся, но сон никак не отпускал его. До вахты оставался ещё час, так что вновь засыпать смысла не было. Вместо этого он вышел на палубу подышать воздухом. Ветер усилился, и капитан к своему удивлению увидел, что они плывут на север мимо Земли Принца Карла. Капитану никак не удавалось стряхнуть с себя страх. Он раздражённо покачал головой. «Прекрати. Чего это ты вдруг стал на старости лет таким суеверным?» – подумал он. К началу своей вахты он поднялся в рубку и выбрал штурмана за то, что тот, не разбудив его, самовольно принял решение изменить курс.

Глава 2. Высадка на берег

Ночью судно вошло в полосу дрейфующих льдов, двигавшихся на юг к проливу Фрамстредет. Там были и толстые льдины из Северного Ледовитого океана, маленькие и крупные айсберги и куски ледникового льда – навигация в подобных условиях бывает очень непростой. Обойти льдины и избежать столкновения было невозможно – лёд шёл очень плотно. Однако важнее всего было не столкнуться с многотонными айсбергами из твёрдого голубого льда, вершины которых едва виднелись над водой. Капитан вспотел и сбавил скорость до двух узлов. Он расхаживал по рубке от окна к радару и время от времени пристально вглядывался в серый туман.

Пассажиры, сидевшие по каютам, заметили, как что-то изменилось. Двигатель ревел чересчур уж громко, а судно явно сбавило ход. Мелкие, не закреплённые предметы падали на пол, и их швыряло из стороны в сторону. Иногда до кают доносился громкий стук и какой-то металлический скрежет – в обшивку судна словно воткнули гигантский консервный нож.

Реагировали пассажиры на всё это по-разному. Молодёжь Тюбринги провели быстрый семейный совет и решили, что у капитана всё под контролем и что звуки – пусть даже и страшноватые – не предвещают ничего плохого.

– Иначе сработал бы сигнал тревоги, и кто-нибудь непременно пришёл нас разбудить, верно? – предположила супруга и улеглась на койку. Муж с любовью посмотрел на неё. Он никогда в жизни не заподозрил бы, что ей просто лень куда-то идти.

Чтобы выяснить, в чём дело, Себастьян Роуз оделся и вышел на палубу. В коридоре он натолкнулся на мисс Хемминг – её успокаивала тоже перепуганная Анетта. Из каюты по другую сторону вышел Роланд Фокс с фотоаппаратом в руках и направился по трапу в рубку. На палубе стоял стюард – он курил короткую коричневатую самокрутку. Себастьян Роуз подошёл к нему.

– Что тут такое происходит?

– Мы проходим зону плотных льдов. Беспокоиться не о чём. «Белый медведь» прежде был китобойным судном. Корпус у него из твёрдой стали, а расстояние между шпангоутами небольшое. Эта посудина видала фарватер и похуже. Но внизу, в каютах, от звуков и правда не по себе. У меня каюта спереди, на носу, там вообще не заснёшь. Хотите самокрутку? – и он протянул пачку табака Роузу, но тот покачал головой. Вид с палубы открывался совершенно мистический. Туман настолько сгустился, что даже нос судна различить стало практически невозможно. Сушу видно не было. Время от времени рядом возникали очертания айсбергов, которые вскоре исчезали за кормой. Роуз и стюард стояли возле борта и вглядывались в туман.

– Ну ладно, – проговорил наконец стюард и выбросил окурок в воду, – курение ещё никому не помогало. Меня, кстати, зовут Пол.

Роуз кивнул:

– Себастьян.

Они постояли ещё немного и разошлись по каютам. Время шло, грохот не стихал, и туристы мало-помалу успокоились, решив, что это столкновение с дрейфующими льдинами – тоже часть арктического круиза. Следующим утром все пассажиры собрались в салоне на завтрак. Вокруг по-прежнему был лёд, и судно двигалось на север досадно медленно, огибая самые крупные айсберги.

– К северу от Земли Принца Карла ситуация чуть лучше, – сказала гид, держа перед собой карту льдов, которую ей прислали по факсу из метеорологической службы Тромсё, – я повешу эту карту на доску объявлений в кают-компании, и вы все сможете подробно изучить её. Но в Нью-Олесунн мы, конечно, придём с опозданием. Но зато там, согласно программе, мы пристанем к берегу надолго.

– А до Нью-Олесунна, – недовольно начала миссис Хемминг, – мы что, вообще на берег не сойдём? И где же в этом круизе приключения?

– Утром мы проплывём мимо старых голландских могил, – поспешно ответила Анетта, – северный мыс Земли Принца Карла называется Фуглехукен – то есть Птичий. Это одно из самых известных мест на Западном Шпицбергене,

и на то существует множество причин. Там есть и птичьи базары, и памятники культуры, и небольшой маяк, который регулирует движение самолётов и судов. Но, к сожалению, причаливать и выходить на берег там запрещено, потому что прямо у берега находятся старые могилы.

– Запрещено выходить на берег? – на этот раз в разговор вмешалась не миссис Хемминг, а Фокс. – Но нам обещали экскурсии по берегу! Я поэтому и приехал – фотографировать природу западного побережья Шпицбергена. Мне что – привезти в редакцию снимки, сделанные с судна? Мы не можем не причалить здесь! К тому же мы так медленно двигаемся, что пара часов на берегу погоды не сделает.

– Ясное дело, мы сойдём там на берег, – заявила миссис Хемминг тоном, не терпящим возражений, – мы заплатили за определённую программу, и в неё входят экскурсии.

– Но некоторые части острова – это охраняемая территория, – Анетта чувствовала, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, – особенно могилы! Они появились больше двухсот лет назад, когда здесь жили английские и голландские китобои. Но прежде всего это человеческие могилы, и нам следует уважать память о людях, которые в них захоронены.

– А можете рассказать поподробнее об этих могилах? – попросила миссис Роуз. Ей действительно было интересно, но вдобавок хотелось ещё и положить конец пререканиям.

Анетта с благодарностью ухватила за это предложение.

– Вы наверняка уже заглядывали в проспекты. Кладбище представляет собой несколько рядов деревянных гробов. Изначально они были закопаны в вечную мерзлоту, но, к сожалению, не очень глубоко. Говорят, если закопать что-то на Шпицбергене, то оно рано или поздно обязательно поднимется на поверхность. Годы идут, летом почва оттаивает, а зимой вновь замерзает и выталкивает гробы в верхний слой вечной мерзлоты, так что в конце концов становятся видны крышки. Никаких отметок – например, крестов – на этих могилах нет, и имена тоже не написаны. Может, когда-то они были, но со временем исчезли.

– А известно, кто там лежит? Их личность установлена? – спросил инспектор Роуз. Эмма улыбнулась, обрадованная, что её мужу стало интересно.

Анетта уже хотела ответить, но тут её перебила мисс Хемминг. Поскольку мать уже давно заинтересовалась этими могилами, Ада ещё до отъезда из Англии тщательно изучила все доступные материалы. Она догадывалась, что этот интерес не просто так, но почему именно, она и понятия не имела.

– Об этих могилах много написано в исторических документах, – сказала она, – дневниках, судовых журналах и прочих. Люди умирали по самым разным причинам. Большинство предпочитало не зимовать здесь, за исключением большого поселения китобоев, живших на севере Шпицбергена. Город, в котором они жили, назывался Смеренбург, мы же

посетим остров Датский, верно?

Анетта кивнула, и Ада продолжала:

– В Нью-Олесунне жили то голландцы, то англичане – в зависимости от политической обстановки. Но их могилы не сохранились.

– А отчего люди умирали? – фру Тюбринг тоже заинтересовалась и выпустила наконец руку супруга.

– Нередко местные жители убивали друг друга. Здесь порой случались настоящие войны. В то время Шпицберген не являлся территорией какого-либо государства, поэтому беззаконие здесь было обычным делом. Китобои, приезжавшие из разных стран, часто вели между собой войны, причём больше других отличились англичане и голландцы. Впрочем, часто люди умирали и от истощения или болезней. Медицина в те времена была развита слабо. Врачом на китобойных судах мог быть практически кто угодно. Я читала, что экипаж часто набирался из заключённых, потому что из-за высокой смертности никто другой на подобную работу не соглашался.

– Значит, могилы стоят открытыми? – спросила миссис Хемминг. Её дочь рассердилась: мать задавала вопрос, ответ на который прекрасно знала. Ада строго посмотрела на мать.

– Я сам видел эти могилы, – подал вдруг голос стюард, сидевший на своём привычном месте в углу с чашкой кофе, – мы с ребятами из Норвежского института полярных исследований заезжали на Птичий мыс, чтобы проверить радиома-

як. На берег сойти там непросто – он чересчур крутой и прибой слишком сильный. Из-за прибоя мы насквозь вымокли и едва не замёрзли до смерти.

– А крышки на гробах – они закрыты или открыты? – миссис Хемминг даже шею вытянула, чтобы получше разглядеть стюарда.

– Большинство закрыто. Как сказала Анетта, на само кладбище заходить запрещено. Мёртвых тоже нужно уважать. К тому же существует старое поверье, которое сулит неприятности тем, кто расхаживает по могилам.

– И губернатор наверняка страшно рассердится, если узнает, что мы были рядом с кладбищем, – добавила Анетта. – Оно считается культурным наследием и охраняется государством. Если нас заметят, то нам придётся заплатить огромный штраф, а компанию могут лишить туристической лицензии и запретить организацию туров на Шпицберген.

Но миссис Хемминг не сдавалась.

– Значит, тел в гробах не видно? – спросила она.

– Почему же, у нескольких гробов крышки сдвинуты или частично разбиты, так что мы заглянули внутрь. Вообще-то нам тоже нельзя было подходить так близко. Но гробы не пустые – это видно, хотя от тел остались только скелеты. Во всяком случае, я не разглядел там ни волос, ни одежды, впрочем, из-за холодов ткань тут, в Арктике, долго не разлагается. И, кстати, черепов в могилах уже не было.

– Это почему? – удивился Себастьян Роуз.

– Украли. Люди не просто разгуливают по могилам, но и сувениры с собой увозят – черепа, например. Вот и думай после этого, как уважать других.

– Итак, вы наверняка всё поняли, – Анетта решила закончить разговор, – что выходить на берег на Птичьем мысу мы ни в коем случае не собираемся.

К вечеру туман начал наконец рассеиваться, и пассажиры смогли рассмотреть горные вершины и ледники. Туристы провели на борту «Белого медведя» всего сутки, но уже заскучали. Стоять на палубе и разглядывать сероватый берег вдали им надоело. Холод пробирал насквозь, до костей, несмотря на несколько слоёв одежды и тёплые шарфы. Они больше не желали слушать рассказы гида в салоне, и поэтому теперь Анетта перенесла свои лекции на палубу.

– Вон там на берегу вы можете увидеть пятый из крупных ледников между Лонгиером и Нью-Олесунном.

Названия ледников Анетта забыла. Она привезла с собой карты и путеводители, но никак не успевала толком изучить их: всё её время уходило на то, чтобы придумывать пассажирам развлечения. На её счастье, стюард вызвался ей помочь. Облачившись в чуть запачканный голубой пуховик, он подал обед прямо на палубе. Благодаря спрятанной за кастрюлями стопке аквавита – старинной скандинавской водки – он на каждом шагу сыпал анекдотами и весёлыми, но совершенно непереводаемыми стишками.

И тем не менее, возле северной оконечности Земли Прин-

ца Карла, как раз перед тем, как судно взяло курс на Нью-Олесунн, пассажиры взбунтовались. Они требовали высадки на берег, пусть даже и сейчас, вечером. Им просто необходимо ощутить под ногами землю, – так они говорили. Заводилой была миссис Хемминг, но и другим тоже не терпелось посетить кладбище на Птичьем мысу.

Анетта побаивалась, но противостоять группе разгневанных пассажиров не осмелилась. К тому же вокруг никого не было, а если их никто не увидит, значит, и губернатору не донесут. По пути из Лонгиера они вообще не встречали других судов. «В конце концов, почему бы и нет? А если нас вдруг поймают, притворюсь дурочкой», – решила вдруг Анетта с несвойственной ей храбростью.

Штурман совершенно неожиданно воспротивился этой затее, но после короткого телефонного разговора с судовладельцами в Лонгиере смирился с тем, что за программу круиза будет отвечать Анетта. Братья прекрасно представляли, какие слухи распусят недовольные туристы уже после их первого арктического круиза и как это скажется на репутации компании.

Анетта попросила туристов поклясться, что об этой вылазке они никому не расскажут. Один за другим они перелезли через борт, спустились по всяческому трапу и скорее повалились, чем сели, в резиновую лодку. Последним туда запрыгнул стюард, захвативший с собой ружьё на тот случай, если они вдруг столкнутся с белым медведем.

Вскоре группа уже стояла на каменистом берегу. Сначала они держались вместе – вероятно, потому, что при виде оружия всем им, за исключением инспектора Роуза, стало слегка не по себе. Стюард в своём грязноватом голубом пуховике, но с ржавым ружьём на плече особого доверия не внушал. Анетта рассказала туристам о нападениях белых медведей и попросила не отходить далеко от стюарда с ружьём. Но говорила она так долго, что некоторые отделились от группы и потихоньку двинулись вперёд, в глубь острова. Анетта бросилась их догонять и зачитывать правила поведения на острове, совершенно забыв о тех, кто остался позади без присмотра.

Стюард, прищурившись, смотрел на невысокий холм, отделявший берег от кладбища. Кое-кто уже залез довольно высоко и почти исчез из виду. Он вздохнул и пошёл вернуть их.

Удержать туристов вместе удалось бы разве что пастушьей собаке. Сейчас же это не представлялось возможным. Обрадованные тем, что под ногами у них наконец появилась твёрдая земля, они почувствовали свободу. Ими овладел бунтарский дух, и они разбрелись по побережью.

– Цветы рвать строго воспрещено! – кричала им вслед Анетта – впрочем, совершенно зря, потому что для цветов было ещё слишком рано. К сожалению, она не заметила, как Лорелей Хемминг в высоких резиновых сапогах и твидовом пальто горчичного цвета вскарабкалась на холм и направи-

лась к могилам. Зато от внимания дочери это не ускользнуло.

– Мама! Ты что это делаешь? Ты же слышала – это запрещено! Мама, стой! Не ходи туда!

Миссис Хемминг была в удивительно хорошей форме, и дочь догнала её лишь возле самых крайних могил. Они обе остановились: вид перед ними открывался одновременно жалкий и захватывающий. Среди камней и пожухлой прошлогодней травы проглядывали старые доски. Некоторые из них только начали гнить, а некоторые уже совсем развалились. Миссис Хемминг подошла поближе и пригляделась, а потом радостно хмыкнула и склонилась над могилой. Спустя несколько секунд она выпрямилась, держа в руках череп.

– Моя добыча! – довольно сказала она. – Положу его на стол дома, в Кембридже, и буду любоваться! Ха-ха! Давай быстрее, Ада, спрячем его тебе в сумку.

– Да ни за что на свете! – закричала Ада. – Мама, ты что, совсем спятила?

Услышав крики, все остальные растерялись, однако крики не утихли, и туристы тоже двинулись к могилам. Первой добежала Анетта.

– Что тут происходит? – начала было она, но в этот момент заметила череп. – Но я же сказала... Это запрещено! Немедленно положите обратно! – голос срывался. Она ухватилась за череп, который миссис Хемминг подняла высоко над головой.

– Отдайте! Да пустите же! Что вы такое творите?! Я же

сказала...

Они безуспешно пытались отнять друг у друга череп, а остальные туристы замерли, раскрыв рты и молча наблюдая эту абсурдную сцену. Внезапно миссис Хемминг оступилась, выпустила из рук череп и упала назад, в могилу. Старая подгнившая крышка треснула и раскололась, а миссис Хемминг провалилась ещё глубже, прямо в гроб.

– Помогите! – гнев в её голосе смешался со страхом. – Вытащите меня отсюда!

Девушки ухватили её за руки и помогли подняться на ноги. Миссис Хемминг стряхнула с себя землю и щепки и переступила с ноги на ногу, растапывая в труху старые деревянные доски.

– Вернёмся в Лонгиер – и я обязательно сообщу об этом твоему руководству! Ты меня толкнула! Специально меня толкнула!

В этот момент Ада кое-что заметила.

Нечто совершенно жуткое. Впрочем, сначала она даже и не поняла, что перед ней такое. словно во сне, не сознавая, что делает, она подошла к краю могилы – туда, где всего за несколько секунд до этого сидела её мать. Ада наклонилась вперёд, пригляделась и сняла с этого непонятного предмета несколько налипших на него травинок. А потом она вытащила из могилы что-то круглое, размером примерно с футбольный мяч.

Только у этого мяча было лицо.

Глава 3. Находка

Сомневаться не приходилось: Ада Хемминг держала за волосы человеческую голову. Она закричала. Её крик – безудержный, захлёбывающийся – напоминал вой животного и, казалось, поглощал все остальные звуки. Анетта и миссис Хемминг замерли, словно забыв о том, что собирались делать.

А затем началась полная неразбериха. На крик Ады Хемминг сбежались остальные туристы – все, кроме супругов Тюбринг, которые, к раздражению стюарда, ушли так далеко вдоль берега, что вернулись не сразу.

Первыми до могил добежали стюард и Себастьян Роуз. Английский инспектор сразу же взял командование в свои руки, что всем показалось вполне естественным. Он тщательно осмотрел землю вокруг Анетты, Ады и миссис Хемминг, осторожно ступая, подошёл к ним и взял из рук Ады её страшную находку.

Ощувив под пальцами грязные волосы мертвеца, инспектор Роуз, вообще-то неоднократно имевший дело с насильственной смертью, вздрогнул. Он быстро взглянул на найденную голову. Прежде она, несомненно, принадлежала мужчине, причём, насколько Роуз мог судить, довольно молодому. К счастью, глаза были закрыты, однако лицо выглядело слегка перекошенным – не в результате увечья, а словно

кто-то с силой вжал ему в щеку какой-то круглый предмет, так что в итоге осталась отметина. Никаких следов насилия инспектор не заметил и причину смерти установить тоже не смог. «Ну, кроме того, что тела-то у него нет», – подумал он. Впрочем, он намеренно не говорил ничего, что могло бы ещё сильнее напугать туристов. Роуз повертел голову в руках. Нет, на затылке никаких ран тоже не было.

Но для Ады Хемминг это оказалось невыносимым. Всё это время она, не отрываясь, широко раскрытыми глазами смотрела на голову, но сейчас, когда инспектор повернул голову затылком вперёд, Ада без сознания повалилась на землю. До этого никто не проронил ни слова, но сейчас группа оживилась. Стюард подхватил девушку как раз вовремя – иначе она свалилась бы в могилу, туда, откуда совсем недавно вытащила голову.

– Помоги, – попросил он стоявшую ближе всего Анетту, – хватайся за ноги, и давай оттащим её подальше.

Стюард с Анеттой отнесли Аду подальше от могил и уложили на каменистый склон. Сняв с себя куртку, стюард свернул её и подложил девушке под голову. Миссис Роуз склонилась над Адой и попыталась привести её в чувство. Миссис Хемминг опустилась на колени рядом с дочерью, всем своим видом выражая раскаяние.

– Это я виновата! – проговорила она. – Во всём виновата только я! Мне так хотелось забрать череп... Бедная Ада – ведь она даже к мяснику зайти не может! А теперь ей никогда

уже не забыть...

– Не надо себя винить, – возразила Эмма Роуз, – вы же не знали, что в могиле ещё один труп. Но скажите-ка мне вот что: когда вы доставали из могилы череп, вы заметили там эту... как бы сказать... свежую голову? Что вы вообще увидели в могиле?

– Ну разумеется, я не видела никаких голов, – возмутилась миссис Хемминг, – я заметила только кости от скелета и череп. Череп закатился в угол гроба, а я схватила его и вытащила оттуда. Вообще-то он был довольно маленький и легкий. А потом я повернулась к Аде и попросила положить череп в сумку, – от стыда миссис Хемминг слегка покраснела, – вы, наверное, не видели, но тут ко мне подбежала Анетта. Она начала вырывать череп у меня из рук, я оступилась и упала. Тогда крышка гроба треснула, и Ада увидела эту вторую голову.

– Хм... – задумчиво проговорила миссис Роуз, – вам следует рассказать об этом полиции. Постарайтесь вспомнить, как выглядела могила до того, как вы в неё упали.

– Полиции? – в ужасе повторила миссис Хемминг. – А нас что, будут допрашивать? Тогда меня обязательно оштрафуют! А может, и ещё что похуже! – и она уставилась на Тюбрингов, которые как раз добрались до кладбища.

– Что случилось? – спросил, запыхавшись, Пер Кристиан Тюбринг, – кто-то напал на Аду Хемминг? Что тут вообще происходит?

Инспектор Роуз попросил Роланда Фокса помочь, и они вдвоём соорудили вокруг могилы что-то вроде ограждения из бечёвки, по чистой случайности лежавшей у Роуза в кармане куртки. Роланд Фокс сделал бесчисленное количество снимков гроба с треснувшей крышкой, соседних могил и содержимого гроба, то есть того, что было видно снаружи. Под конец он сфотографировал голову, лежавшую чуть поодаль за большим камнем. Благодаря тому, что Фокс смотрел на голову через объектив, ему удавалось долго сохранять хладнокровие.

Инспектор Роуз отыскал в сумке Ады Хемминг блокнот, вырвал из него листок и написал печатными буквами по-английски, что приказом полиции Шпицбергена к могилам подходить запрещается, как и заходить на огороженную территорию.

– Эту маленькую ложь мне наверняка простят... – проворчал он себе под нос.

Роуз и Фокс немного постояли, разглядывая гроб, а затем Роуз вновь принёс сумку Ады Хемминг. Он расстегнул сумку, распахнул по собственным карманам её содержимое и оттянул молнию как можно дальше.

– Пакета ведь ни у кого с собой нет, верно? – крикнул он остальным туристам. – Значит, придётся положить голову вот в эту сумку, причём постараться не повредить её. Давайте вы подержите сумку, а я засуну туда голову.

Фокс, обрадованный, что ему не придётся трогать волосы мертвеца, ухватился за сумку. Потом они вернулись к остальным.

Как выяснилось, Пер Кристиан Тюбринг, узнав, что произошло, задал неожиданно разумные вопросы: «А может, лучше было оставить голову там, где она лежала? И не надо ли поискать поблизости тело? Возможно, это убийство – дело лап белого медведя?»

Инспектор Роуз покачал головой:

– Чтобы белый медведь сотворил нечто подобное – это крайне маловероятно. Во-первых, поверхность там, где голова отделена от туловища, выглядит именно так, словно голову отрезали, а если бы здесь поработал белый медведь, голову он бы оторвал. Но основная причина заключается в том, что голова лежала в старом, закрытом крышкой гробу.

Лорелей Хемминг кивнула. Она заметно побледнела и испуганно, широко раскрыв глаза, смотрела на Роуза.

– Это верно. Мне, чтобы открыть гроб, пришлось поднапрячься – крышка практически вросла в землю.

– Но кое в чём вы правы, – продолжал инспектор Роуз, – нам надо осмотреть окрестности и поискать тело. Если голову или другие части тела оставить на земле, то животные могут съесть их. Здесь, на острове, водятся лисы, верно?

Тем временем Ада Хемминг очнулась. Вспомнив, почему именно она потеряла сознание, девушка тихо заплакала. Мать попыталась её утешить.

В конце концов Клара Тюбринг произнесла вслух то, о чём думали все остальные:

– Когда же мы вернёмся на корабль? Они ведь там ни о чём не знают. Нам нужно сообщить в полицию. И к тому же Ада сидит на холодной земле – это просто недопустимо! Тебе нужно выпить чего-нибудь горячего – и станет легче.

Ада заметила в руках инспектора свою сумку.

– Моя сумка, – проговорила она, – спасибо, что захватили её. Можно?

Но инспектор сказал, что отдать сумку не сможет и лучше будет, если до возвращения на судно она побудет у него. Удивлённо глядя на полицейского, Ада Хемминг поднялась на ноги. Роуз объяснил, что именно находится в сумке, и Ада, всхлипнув, бросилась за большой камень, где её вырвало. Туристы, побледневшие и притихшие, переглянулись. В конце концов за Адой отправилась Эмма Роуз.

Радовавшая их погода резко ухудшилась, как только туристы уселись в лодку, а стюард отшвартовал её. По пути назад они едва могли различить очертания судна в тумане. За всё время пути никто из них не произнёс ни слова. Они молчали, забираясь вверх по трапу и перелезая через борт. И когда все они наконец собрались на палубе вокруг сумки со страшной находкой, то тоже молчали.

К штурману, сидевшему в радиорубке, заглянул матрос:

– Туристы вернулись. Похоже, с ними там что-то стряслось.

Штурман, перебиравший потёртую колоду карт, оторвался от своего занятия. Отправив туристов на берег, экипаж вздохнул наконец спокойно. Адский шум основного двигателя умолк, и теперь судно мерно покачивалось на волнах под тихое жужжание вспомогательного. Почти все члены экипажа отправились спать. Штурман встал и подошёл к окну. Что-то произошло – это верно. Он пересчитал туристов. Нет, все на месте и, похоже, в добром здравии. Тогда почему они молча столпились на палубе?

– Давай я пойду спрошу? – от вида молчаливых пассажиров матросу явно стало не по себе. Но не успел штурман ответить, как в рубку вошёл стюард.

– Соединись с «Радио Шпицберген», – сказал он, – мы нашли на острове труп.

Штурман любил пощекотать себе нервы, но от неожиданности сначала не понял, о чём толкует стюард.

– Труп?

– Да. Но не целиком, а часть. Точнее говоря, голову.

– Голову? Но... но... это же не?... Наши-то все на борту?..

Или кто-то пропал?

Стюард потерял терпение:

– Соединись с «Радио Шпицберген», говорю же! И пусть сюда приедет губернатор острова. Мы нашли труп – тебе что, неясно?! И нет, это не труп нашего туриста – я вообще не знаю, кто это!

Стряхнув удивление, штурман принялся отдавать распо-

ряжения.

– Спустись вниз и разбуди капитана, – приказал он матросу, – хотя нет. Сначала подойди к пассажирам. Попроси их собраться в салоне. А ты... – он повернулся к стюарду, – быстро на камбуз. Свари им какао или ещё чего-нибудь горячего – пусть немного успокоятся.

Стюард закатил глаза:

– А голову – её им тоже в салон принести? Видишь, инспектор Роуз держит сумку? Так вот, в этой сумке как раз лежит голова.

– Разумеется, нет. Голову мы... Голову можно положить в лазарет.

– Это ты неплохо придумал. Надеюсь, ты осознаешь, что его уже не вылечить, – и, развернувшись, стюард вышел следом за матросом.

Штурман прошёл в радиорубку и снял висевший на крючке микрофон. Сначала он хотел было связаться через спутник по Инмарсату¹, но потом решил всё же действовать через «Радио Шпицберген». Его сотрудники сидели на радиовышке в аэропорту и всегда знали о местонахождении каждого.

– «Радио Шпицберген», это «Белый медведь». «Белый медведь» вызывает «Радио Шпицберген». Приём, – штурман просто обожал говорить по рации и всегда – даже в самых рядовых случаях – разговаривал по ней таким тоном, будто речь шла о чём-то чрезвычайно важном. Обычно, когда «Ра-

¹ Система спутниковой связи.

дио Шпицберген» отвечало, штурман уже едва не лопался от нетерпения.

– «Радио Шпицберген» слушает. Приём.

– Слушай... я не уверен, что подобную информацию можно передавать по радиоканалу... но...

Сквозь помехи на линии послышался отчётливый вздох. Операторы «Радио Шпицберген» прекрасно знали о склонности штурмана к драматизму.

– Хочешь, я переключу тебя на кого-нибудь ещё? С кем тебе нужно поговорить?

Если с «Радио Шпицберген» связывались по морской радиции, оно могло перевести разговор дальше, на стационарный телефон.

– Скажи, чтобы переключили на губернатора, – прошептал появившийся за спиной штурмана матрос. Он зашёл в рубку так тихо, что штурман и не заметил. Штурман раздражённо махнул на матроса рукой.

– Да. Переключи на губернатора. У нас тут срочное дело.

– Уже нет... – сказал матрос, обращаясь скорее к самому себе.

– Ты хочешь поговорить лично с губернатором или с дежурным у него в управлении?

– Соедини меня с управлением. И побыстрее. Но губернатору Бергу тоже надо будет немедленно обо всём сообщить.

– Ну, с этим в управлении сами разберутся.

Спустя несколько минут его соединили с дежурным в

управлении губернатора. И потребовалось ещё немало времени, прежде чем дежурный смог продраться сквозь загадочные намёки и сбивчивые объяснения штурмана.

– Я правильно вас понимаю – несколько пассажиров с «Белого медведя» обнаружили труп мужчины? На Птичьем мысу? Внутри одной из старых голландских могил? И речь в данном случае идёт об относительно свежем трупе?

Когда штурману прямо в лоб задали столько конкретных вопросов, ему не оставалось ничего другого, кроме как подтвердить всё вышесказанное. Тем не менее, самые красочные детали он приберёт на будущее.

– Кое о чём я не могу сообщить вам по рации. Это просто недопустимо. Вам придётся подождать, пока сами всё не увидите, – сказал он.

Однако дежурный действовал строго по инструкции.

– Оставайтесь на линии, – коротко бросил он, а потом, обращаясь к «Радио Шпицберген», добавил: – Не занимайте пока этот канал. Я свяжусь с вертолётками и узнаю, смогут ли они направить на место полицейского. Но он прибудет туда не ранее чем через час.

Прошло уже несколько часов. Дежурный из управления Том Андреассен, не разгибаясь, сидел у телефона и набирал один номер за другим. Но ни одна попытка связаться с губернатором успехом не увенчалась. Дома у него трубку никто не брал. И мобильный Ханса Берга тоже не отвечал. Лишь

поздно ночью дежурный вспомнил, что в Нью-Олесунне, к северу от Птичьего мыса, как раз недавно начали работать два полевых инспектора. Он позвонил в принадлежащий губернаторству дом в Нью-Олесунне, и там Андреассену, к его великой радости, наконец ответили. Потом он позвонил заместителю губернатора Анне Лизе Исаксен и сообщил ей то небольшое, о чём было известно ему самому.

Однако о местонахождении губернатора никто по-прежнему не знал.

Пассажиры собрались в салоне. Они явно устали. К тому же была уже глубокая ночь, хотя лечь спать никому не хотелось. Анетта проводила Аду в каюту.

– Бедняжка, она совсем измучилась, – прошептала Клара Тюбринг, сидевшая возле миссис Хемминг, – да, конечно, я о вашей дочери. Впрочем, и Анетта выглядит не намного лучше. А вот я в полном порядке. Вы знаете, я же медсестра и много всякого повидала. И трупы, в том числе. А кстати, как она вообще выглядела, эта голова? Мы с Пером Кристианом пришли поздно – вы тогда уже спрятали её Аде в сумку, – в глазах у Клары Тюбринг светилось любопытство.

– Ада теперь и не притронется к этой сумке, – грустно проговорила миссис Хемминг, – а ведь сумка совсем новая. Я купила её для Ады как раз перед отъездом из Англии. Настоящая кожа. И, скажу я вам, стоила она недёшево!

Стюард и инспектор Роуз отнесли сумку в лазарет.

– Вообще-то хранить это нужно на холоде, – сказал инспектор, – и нам, в любом случае, надо отметить, при какой температуре мы её хранили. Так мы поможем патологоанатомам установить время смерти. Но это будет непросто. Может начаться гниение.

– А кстати – здесь есть холодильник, – стюард повернулся к шкафчику, притаившемуся в углу просторной каюты, – мы там храним кое-какие лекарства. Будем надеяться, он не заперт.

Третий раз за вечер инспектору Роузу пришлось ухватиться за грязные волосы и вытащить голову на свет божий. Он огляделся по сторонам.

– А нам не во что её завернуть? Наволочки не найдётся? Да, это всё, конечно, жутко, но когда-то это был живой человек. И пусть теперь он мёртв – нам всё равно следует проявить к нему уважение.

В одном из шкафчиков стюард отыскал чистую простыню. К счастью, холодильник оказался достаточно просторным, чтобы, когда оттуда убрали лекарства, в нём уместилась завернутая в простыню голова. Ключ торчал в двери снаружи, Роуз со стюардом заперли дверь и спустились в салон ко всем остальным. Но сначала они заглянули к капитану и разбудили его.

В первый момент капитан рассердился: ведь это не он сам, а штурман связался с «Радио Шпицберген» и управлением губернатора. Потом поинтересовался, узнал ли кто-ни-

будь мертвеца. И, наконец, поразился: надо же, убийство на Шпицбергене! Хотя необходимости в этом и не было, но он тоже позвонил на «Радио Шпицберген» и потребовал, чтобы его соединили с управлением губернатора. Однако ничего нового он не узнал. Из-за тумана вертолёт вылететь не мог. Видимость была нулевой, и радиомаяка на Птичьем мысу в этом случае было недостаточно. Губернатор Берг ещё не объявился.

Капитан и дежурный из управления решили, что «Белый медведь» возьмёт курс на Нью-Олесунн. Капитан рассказал, что на борту находится сотрудник британской полиции, и они договорились, что попросят Роуза предварительно допросить туристов. Во всяком случае, это немного их успокоит. Потом капитан собрал экипаж в кают-компанию, а инспектор вернулся в салон. Наконец-то закрипела якорная цепь, и судно двинулось к открытому пространству между Птичьим мысом и полуостровом Брёггер. Главным было добраться до устья Конгс-фьорда, где ледовые условия обычно не такие тяжёлые.

В тот вечер небо над Лонгиером было холодным и гладким, как сталь. За полярными сумерками словно затаилось какое-то слабое свечение – луна, которую из-за гор было не видно, но чей свет уже заливал небо. На затвердевшем снегу намёрз тонкий наст – для снегохода лучшие и не придумаешь. От дома отделилась чёрная тень и двинулась к снегоходу.

Снег под ногами человека поскрипывал. Человек никому не сообщил, что этой ночью собирается прокатиться. Это случилось спонтанно. В конце концов, на выходные у него не было ни планов, ни договорённостей. И никто его не хватится.

Он положил в сани канистру с бензином, термос с кофе и кое-какой провиант, а сами сани привычным движением закрепил за сиденьем снегохода. Он с такой радостью ждал этой поездки в полном одиночестве!

Но к радостным ожиданиям примешивалось какое-то необъяснимое беспокойство. Порой он будто ощущал заранее, что произойдёт нечто неприятное. Однако о подобных предчувствиях никому не рассказывал и вообще старался забыть об этом.

Человек тепло оделся, а на ногах у него были сапоги для снегохода. Возле уже готовых саней он вдруг замер. Совершенно внезапно ему расхотелось ехать.

Было около семи вечера. Сильный мороз разогнал жителей Лонгиера по домам. Они сидели перед телевизорами и ждали первого за этот вечер выпуска новостей, играли с детьми, читали книжки, мыли после ужина посуду, отсыпались после последней за неделю шахтёрской смены или веселились с друзьями в пабе – то есть проводили этот пятничный вечер, спрятавшись от стужи, в тепле, со всех сторон окружённые людьми.

Почти никто не слышал шума одинокого снегохода, ко-

торый промчался по городу, выехал на накатанную трассу, а затем свернул на лёд, сковавший фьорд до самого Лонггера.

Глава 4. Полевые инспекторы

Было уже за полночь, когда дежурный из управления губернатора в Лонгиере позвонил в Нью-Олесунн. Ответили ему сразу:

– Кнут Фьель.

– Том Андреассен, дежурный в Лонгиере. Мы с тобой на прошлой неделе познакомились. У меня плохие новости. Вам придётся отложить поездку на север, – времени он зря не тратил и перешёл сразу к делу: – Пассажиры с туристического судна, которое шло в Нью-Олесунн, нашли на Птичьем мысу труп мужчины. Из-за тумана мы не можем отправить туда вертолёт, поэтому я попросил капитана двигаться на север. Тело находится на борту. То есть не тело... – дежурный замялся, – да, звучит дико, но если верить их словам, то речь идёт о голове. Одна из туристок нашла её в старой голландской могиле. Тела они не обнаружили, но вообще-то они особо и не искали. Кстати, среди пассажиров там инспектор английской полиции. Повезло, можно сказать. Он позаботился о заграждении и о фотографиях. «Радио Шпицберген» сообщает, что других судов на этой территории не ожидается.

– Что именно мы должны сделать в Нью-Олесунне? – Кнут тоже решил быть кратким. К тому же ему требовалось время, чтобы переварить полученную информацию. Он взглянул на

второго полевого инспектора – тот как раз собирал экипировку для инспекции в национальном парке. – Опыта в расследовании убийств у меня мало. Отчего он вообще умер? На борту кто-нибудь знает, кем был убитый?

Второй инспектор выпустил из рук вещи и изумлённо уставился на коллегу:

– Убийство? Тут, на Шпицбергене? Да ладно!

Кнут не ответил. Он вслушивался в то, что говорил ему сотрудник управления в Лонгиере.

– Как раз сейчас лучше ничего не предпринимать. Судно идёт в Нью-Олесунн, но они попали в зону дрейфующих льдов. Вдобавок там ещё и сильный туман, поэтому до посёлка они доберутся лишь через несколько часов. Как у вас там погода?

Кнут подтвердил, что в Нью-Олесунне тоже туман и плохая видимость.

– Ну, тогда над ледником Конгсбреен вертолёт вряд ли пролетит. И пилоты уже сказали, что низко над побережьем видимости никакой, поэтому лететь нельзя. Придётся вам подождать до завтра. Мы постараемся доставить опытного следователя. Ещё найти бы губернатора Берга – а то он как сквозь землю провалился. Странно. В Лонгиере ведь особо нигде не спрячешься... – последнюю фразу он сказал скорее самому себе. Дежурный явно устал. И чувствовал себя одиноким, – хорошо всё же, что на борту оказался этот английский полицейский. Я попросил его выяснить, где находился

каждый из пассажиров, когда нашли голову.

– О чём можно сообщить здесь, в Нью-Олесунне? – спросил Кнут.

– Введи в курс дела напарника. Знаю, что о работе полицейского ему почти ничего не известно – пожалуй, только то, что ему рассказали на подготовительных курсах в Лонгире. Так ведь? А в нашем деле это особо не поможет. Но вам всё равно придётся постараться. Нужно сообщить директору «Кингс Бей»². Думаю, никому больше рассказывать пока не стоит. Мы же ещё не установили личность убитого. И когда он умер – тоже не знаем. Возможно, это кто-то из Нью-Олесунна. И, что ещё хуже, преступник может бродить где-то рядом с вами. Слава богу, журналисты ещё не прознали. Иначе вот цирк-то начнётся!

Два полевых инспектора прибыли в Нью-Олесунн всего за неделю до этого на исследовательском судне «Северное сияние», которое губернатор арендовал ежегодно с июня по ноябрь.

Летом, когда из-за круизных судов численность населения Шпицбергена возрастала в десять раз, за наиболее подверженными опасности районами национального парка присматривали полевые инспекторы. Им выдавались скоростные резиновые лодки и другое оборудование, и они патрули-

² Государственное предприятие, расположенное в Нью-Олесунне и обеспечивающее посёлок необходимой инфраструктурой.

ровали побережье архипелага. Чаще всего полевые инспекторы работали парами: один из них был полицейским, а второй, как правило, имел образование в области природопользования.

Желающие попасть сюда проходили конкурс. Счастливики, которым этим летом повезло патрулировать территории вокруг Нью-Олесунна, были давними друзьями и специально попросились на эту работу вместе. Они даже родились и выросли в одной деревне в долине Остердален. Однако этим сходство между ними и ограничивалось. Турбьёрн Стурлиен был высоким, тёмноволосым и кареглазым. Он часто улыбался и был просто невероятно хорош собой. Устоять перед ним не могла ещё ни одна женщина.

– Причём речь идёт обо всех поголовно – от четырнадцати до девяностолетних старух, – с завистью говорил его приятель. Однако Кнуту Фьелю было известно о таких чертах характера Турбьёрна, о которых больше почти никто не знал. Случались в жизни Турбьёрна ночи, когда тот согласен был променять всё своё очарование на несколько часов крепкого сна. Давно, ещё в детстве, друзья пережили событие, о котором вслух старались не упоминать.

Полевые инспекторы жили в старом домике, выстроенном ещё в шахтёрские времена. Две комнаты из трёх использовались как спальни, а самая большая выполняла функции кабинета и гостиной. Сейчас в гостиной были свалены оборудование, комбинезоны, гидрокостюмы и костюмы для дай-

винга (дайвингом занимался Турбьёрн), провиант, палатки, спальные мешки и всё прочее, что могло потребоваться во время патрулирования северных необитаемых территорий Шпицбергена.

Когда вечером внезапно зазвонил телефон, приятели подумали, что сейчас их пригласят в Нью-Олесунн на небольшую вечеринку, которых в летнее время устраивалось множество. Быстро посоветовавшись, они решили, что откажутся: на следующий день их ждал долгий путь на север. Но когда Кнут снял трубку, оттуда раздался голос дежурного из управления губернатора.

Закончив разговор, Кнут поступил согласно полученным инструкциям. Сначала он пересказал Турбьёрну все скудные факты, о которых узнал сам. Затем они оба отправились к дому начальника «Кингс Бей» и застали его как раз в тот момент, когда он собирался ложиться спать. Ему они тоже смогли сообщить совсем мало, и, тем не менее, потом они втроём просидели до поздней ночи, строя догадки и придумывая объяснения.

– Нет, мне не верится. Убийство? Может, туристы просто решили так дико пошутить? – директор базы сходил на кухню, принёс три банки колы и теперь озадаченно ерошил свои жидкие волосы.

Кнут покачал головой:

– Это не шутка – тут уж можно не сомневаться. Там на борту полицейский из Англии. Думаю, в управлении с ним

ещё не разговаривали, но зато с капитаном точно говорили.

– Но зачем? Зачем кто-то взял и спрятал голову? О господи, а вдруг этот кто-то из Нью-Олесунна! Нет, это невозможно. Нас тут мало, и все на виду. И вряд ли это кто-то из учёных: пропади здесь учёный, об этом сразу же сообщили бы, – он вскочил и принялся расхаживать по комнате. – И когда, говорите, это произошло? Когда ему отрезали голову? А вдруг вчера вечером? Надо выяснить, все ли на месте. Подождите немного, – он сел за небольшой письменный стол из морёной сосны и схватил телефонную трубку. Кнут и Турбьёрн сидели на диване и слушали, как начальник базы обзванивает всех местных жителей. И если кого-то из них его поздний звонок и удивил, то объяснения они всё равно не дождались.

– Нет-нет, Магне, всё в порядке. То есть ты уверен, что у тебя в картографическом отделе все на месте? Ну да, ну да. Согласен. Ага. Если что-то узнаю – конечно. Спокойной ночи.

Этот разговор был последним. В Нью-Олесунне никто не пропал. Вся ситуация казалась придуманной.

Сказав, что журналисты ни о чём не знают, следователь из управления ошибался. Редактору газеты «Свалбардпостен» было прекрасно известно о том, что на Птичьем мысу нашли человеческую голову. У него имелись свои весьма достоверные источники в управлении губернатора. И он бы оскор-

бился, узнав, что для кого-то «Свалбардпостен» – газетёнка несерьёзная лишь потому, что выходит она раз в неделю.

Нередко какой-нибудь приезжий директор или член парламента жалели, что в своё время недооценили «Свалбардпостен». Многим казалось, что они ничем не рискуют, приехав на Шпицберген и высказавшись начистоту местной газетёнке, по формату не больше приходской газеты. Им так приятно было хоть раз в жизни не сдерживаться и ни о чём не умалчивать. Впоследствии эти высказывания личного характера перепечатывались в намного более крупных газетах, издаваемых на материке, а тем, кто не сумел держать язык за зубами, оставалось лишь выкручиваться и придумывать оправдания.

Редактор Пер Опедал просто обожал, когда материалы, напечатанные «Свалбардпостен», появлялись в Осло на первых страницах столичных таблоидов. Он нередко сам поставлял им информацию, однако лишь после того, как его собственная газета уходила в печать. А сейчас он и время выигрывает: «Свалбардпостен» сдаётся в печать лишь через два дня, так что Опедал ещё и лично успеет проверить эту удивительную новость. На Земле Принца Карла нашли труп. И речь, вероятнее всего, шла об убийстве.

Сообщивший об этом (вовсе не анонимно) попросил в награду за сведения литр лучшего коньяка, но, конечно же, пожелал остаться неназванным. В противном случае, его больше не пустили бы на радиовышку в аэропорту, где распола-

галось «Радио Шпицберген» и где всегда можно было услышать что-нибудь интересное.

Редактору Опедалу пришлось быстро решать, звонить ли в редакции материковых газет. Уж слишком невероятной была новость – почти неправдоподобной. Значит, журналистам придётся уточнять у местных информаторов, а таких было не очень много. Ни губернатор, ни «Радио Шпицберген» ни о чём рассказывать не станут. К тому же добраться до Шпицбергена можно будет только следующим вечером: самолёт между Тромсё и Лонгиером курсирует раз в день. Опедал принялся высчитывать, когда следует сообщить обо всём в таблоиды. В любом случае, сначала надо будет убедиться в том, что сведения достоверны, иначе выставишь себя дураком.

«Убийство на Шпицбергене! Потрясающе!» – думал он, размышляя, кто же жертва. Если память его не подводила, среди знакомых пропавших без вести не было. «Разве что губернатор. Он-то ведь исчез... Но ведь вряд ли...» Нет, подобное просто невероятно. Даже для редактора Опедала.

Губернатор Ханс Берг находился неподалёку от Лонгиера. Хотя погода особо к тому не располагала, он решил прогуляться – просто немного проветриться перед сном. В казенном губернаторском жилище он порой чувствовал себя запертым и одиноким. На материке у него были жена и двое взрослых детей. Его жена занималась политикой в муници-

палитете Аскер и на Шпицберген переехать никак не могла. Время от времени она приезжала в гости – невысокая худощавая женщина, крайне уважительно отзывавшаяся о своём муже. Тем не менее, их брак держался скорее на взаимовыгоде, чем на любви. Но губернатор даже себе не признавался, что на самом деле боится своей жены, её молчания и пронизательного взгляда. Дети уже давно выросли и жили своей жизнью. В нём они не нуждались.

Вечерами, сидя в своём губернаторском доме, он читал или принимал почётных гостей – а таких порой бывало чересчур много. И всё же время от времени у него появлялась возможность сбежать от официальных обязанностей. Он понимал, что Лонгиер – городок маленький. Губернатор чувствовал, что из-за должности оказывается в стороне от повседневной жизни, чувствовал себя объектом постоянного внимания. Он многого не мог себе позволить – ни сказать, ни сделать. И нередко задавался вопросом, не посмеиваются ли над ним.

В тот вечер губернатор направился на запад долины, разделявшей Лонгиер на две части. Он поднялся на небольшой холм, откуда в тумане виднелись тёмные угловатые очертания больших заброшенных зданий, стоявших там с шахтёрских времён. Снег стремительно таял – по обочинам дороги, где прежде возвышались метровые сугробы, теперь остались лишь серые пятна. Но на дорогах было неожиданно скользко. Зайдя за один из заброшенных домов, Берг наступил на об-

леденевшую кучу щебёнки. Ноги внезапно разъехались, он во весь рост растянулся на земле и покатился вниз по склону.

Он попытался подняться, но колено пронзила резкая боль, такая сильная, что он едва не потерял сознание. Берг осторожно сел на землю, надеясь, что ничего не сломал. Прихрамывая и подволакивая ногу, он осторожно спустился со склона и медленно поплёлся к ближайшему жилью. Каждый шаг причинял ему жуткую боль – он и предположить не мог, что путь в несколько метров займёт у него столько времени.

Только в двенадцатом часу ночи губернатор Берг добрёл до двери ресторана «Хюсет», старейшего ресторана Лонггера, знаменитого своими давними традициями. К этому времени губернатор замёрз так, что у него стучали зубы. Однако внутрь он заходить не стал, а остановился возле окна и заглянул внутрь, в залитый светом зал. Сначала он решил было зайти и вызвать по телефону такси. Глупо, конечно, но мобильник он забыл дома. Берг немного постоял возле окна. В ресторане явно что-то праздновали. Мужчины в костюмах и дамы в праздничных платьях стояли посреди зала, разбившись на маленькие группки и с бокалами в руках. Несмотря на закрытые двери, до Берга доносились смех и приглушённые голоса.

Стоит ли ему вообще заходить внутрь в таком состоянии? Он поморщился. Если он зайдёт и попросит помочь, то на следующий день над ним будет смеяться весь Лонггьер. А посмеяться жители Лонггьера любят. Нет, пожалуй, не станет

он сюда заходить. Лучше уж перетерпит боль и доберётся до дома. Он надеялся, что по дороге ему никто не встретится.

Когда он наконец вскарабкался по лестнице собственного жилища и ввалился в тёплую гостиную, на глазах у него от радости выступили слёзы. Берг заметил сообщения на автоответчике, и у него даже хватило сил удивиться, после чего он упал на диван и почти потерял сознание от боли и усталости.

В течение ночи он проглотил несколько болеутоляющих таблеток и, стараясь двигаться медленно и крайне осторожно, перебрался в спальню. Он вспомнил про сообщения на автоответчике, но вновь заснул, даже не попытавшись их прослушать. Поэтому он и понятия не имел о том, что в его отсутствие по городу поползли слухи, будто бы его убили на северной оконечности Земли Принца Карла.

Сотрудник управления губернатора Том Андреассен не спал всю ночь. Около шести утра он ещё раз поговорил с Кнудом Фьелем из Нью-Олесунна. «Белый медведь» пришёл в посёлок рано утром, но капитану не хотелось будить пассажиров, которые проспали всего пару часов. Он пытался дозвониться до судовладельцев, однако ему никто не ответил. Возможно, было ещё слишком рано. Потом он вновь позвонил губернатору. Кажется, уже в десятый раз. И, кажется, даже вздрогнул, когда на том конце провода ответили:

– Берг.

– Ой. Э-хм... Доброе утро. Простите за ранний звонок. Это дежурный. Старший следователь Том Андреассен. Мы всю ночь вас разыскивали, – он постарался подавить в голосе обвиняющие нотки, – вчера около одиннадцати вечера мы получили сообщение с «Белого медведя» – ну, знаете, круизное судно, которое принадлежит братьям Ольсен из Тромсё. Оно как раз вышло в первый летний рейс вдоль западного побережья. Может, вы помните гида? Она несколько раз к нам заходила – узнавала про правила поведения в заповеднике и оформляла разрешения на высадку и экскурсии.

Губернатор ещё окончательно не проснулся и вдобавок у него болело колено – оно распухло и увеличилось почти вдвое.

– Ты звонишь сообщить, что пассажиры с «Белого медведя» нарушили правила поведения в заповеднике? Не мог подождать, пока я до работы доберусь?

– Нет-нет, я не за этим, – поспешно ответил дежурный, – хотя правила-то они тоже нарушили. Нет, я потревожил вас в такую рань, потому что они нашли труп мужчины. На Птичьем мысу.

На том конце провода воцарилось молчание.

– Нашли мёртвого мужчину? Они испортили какой-то памятник культуры? – спросил губернатор после долгого молчания.

– Да, они разбили крышку гроба в одной из старых голландских могил. И там...

– Голландские могилы? Но ведь там запрещено высаживаться на берег...

Дежурный не поверил своим ушам. Берг что, не слышал, что ему сказали?

– Да, но они нашли в этой могиле труп. Так что они не совсем уж... Что нам теперь делать?

Дежурный не знал, что ему ещё сказать, поэтому они оба опять умолкли.

– Алло?

Наконец губернатор подал голос:

– Я сейчас приду. А ты сделай вот что: позвони в больницу и попроси, чтобы ко мне домой пришла медсестра – мне надо наложить бандаж на колено. Я вчера упал и вывихнул его.

Губернатор пришёл в офис через час. На нём была форменная одежда, поэтому бандажа под брюками никто не заметил. Кроме того, шагал он медленно, так что и хромоты тоже видно не было. Вот только от носа к уголкам губ пролегли глубокие морщины, свидетельствующие о том, что он отчаянно скрывал боль.

Глава 5. Нью-Олесунн

Примерно в пять утра на следующей день после того, как туристы нашли на Птичьем мысу человеческую голову, «Белый медведь» вошёл в Конгс-фьорд и причалил в Нью-Олесунне. На палубе не было ни души. Пассажиры крепко спали в каютах и поэтому не видели, как судно прошло мимо гор и ледников и подошло к маленькому шахтёрскому городку. В Конгс-фьорде тумана не было, и прямо над судном в небе виднелось маленькое окошко синевы. Причал был пуст, и матрос, спрыгнув вниз, накинул трос на железные швартовые тумбы.

– Ну что ж, – вздохнул штурман, когда матрос вернулся в рубку, – пойду прикорну. Присмотришь тут за... – не договорив, он широко зевнул и исчез на лестнице.

Матрос убавил звук стоявшего в рубке радио и устроился поудобнее в капитанском кресле, надвинув на глаза фуражку. Спустя несколько минут он тоже спал. Когда «Радио Шпицберген» связалось наконец по аварийной частоте с Нью-Олесунном, на этот небольшой арктический посёлок вновь опустился туман. Наладить вертолётное сообщение не представлялось возможным.

Большинство туристов, прибывающих в Нью-Олесунн морем, убеждены, что это – одно из прекраснейших мест на всем Шпицбергене. К сожалению, впечатление отчасти пор-

тят дома, выстроенные на пригорке возле причала. Они представляют собой бетонные сооружения, спроектированные в духе индустриальной архитектуры 1950-х. При проектировании размеры рассчитали неточно, и впоследствии оказалось, что они намного больше, чем требуется. Туристы часто недоумевали, почему эти здания, если уж их не используют, вообще не снесут.

Старая очистная станция представляла собой одиннадцатизэтажную бетонную громаду, сложенную удивительно прочно – настолько, что все специалисты в один голос предупреждали: ни взорвать, ни разобрать её не получится. Сейчас здание, из которого давно уже вынесли всё оборудование, напоминало пустой череп. Внутри с этажа на этаж вела узенькая лестница без перил. Это сооружение возвели на старых голландских могилах, и даже те, кто не верил в привидения, считали здание чересчур мрачным и неудобным. Без причины туда редко заходили.

Дальше, у подножия горы, раскинулся крошечный посёлок. Его маленькие деревянные домики появились здесь в 1920-х, после основания шахтёрского городка. Домики были выкрашены в тёплые красные и жёлтые тона и построены вдоль посыпанных гравием дорог. Именно этот очаровательный пейзаж туристы видели в брошюрах о Нью-Олесунне. И именно в этих домиках располагались научно-исследовательские станции, где жили и работали учёные со всего мира.

Кнуту Фьелю в доме для полевых инспекторов поспать тоже не удалось. Он всю ночь пролежал без сна, раздумывая, откуда же взялась найденная голова. Когда около шести утра позвонил дежурный из Лонгиера, Кнут облегчённо вздохнул. Спальня Турбьёрна пустовала – ту ночь он решил провести где-то в гостях в старом шахтёрском посёлке. Кнут выглянул в окно и вздохнул. Между домами, серый и влажный, по-прежнему висел туман. Кнут прошёл на кухню и поставил на плиту кофейник. Турбьёрн наверняка вот-вот вернётся. Кнут уселся за кухонный стол и закурил сигарету, стараясь держать её подальше от лица – будто пытался избавиться между затяжками от дыма. Если Кнут с Турбьёрном и ссорились, то только из-за того, что Кнут курил. Тем не менее, когда Турбьёрн куда-то уходил, Кнут без зазрения совести курил прямо в доме.

Было раннее утро, но Кнут уже надел тёмно-синюю футболку, которая на нём почему-то выглядела униформа.

– Так-так... – сказал он, услышав, как открывается входная дверь.

На пороге появился Турбьёрн.

– Уже проснулся? Да ты, похоже, и не ложился. А кофе есть?

– Слушай, я тут вот что подумал. Мы могли бы кое-что предпринять. «Белый медведь» причалил пару часов назад – это мне Том Андреассен только что сказал. По рации связаться с ними не получается. Может, нам заглянуть к ним и

лично поговорить с капитаном?

– Это тебе Андреассен сказал? – Турбьёрн склонился к маленькому холодильнику и принялся выкладывать оттуда на стол маргарин, сыр, паштет из баранины и варенье.

– Нет, прямо вот так он не сказал. Но они там вообще неторопливые. Он говорит, они уже вызвали народ из Осло, из криминальной полиции.

– Значит, придётся съездить поговорить с ними. Ты бы хоть перекусил чего-нибудь сначала, – Турбьёрн наклонился вперёд и открыл окно над столом. – Ты что, опять тут курил?

Кнут не ответил. Его голова была по-прежнему занята убийством. Разве им не следует срочно выехать туда, где обнаружили голову? На скоростной резиновой лодке они уже через час туда прибудут. Пока Кнут не сомневался, что смерть наступила в результате несчастного случая и что другие части тела тоже находятся на Птичьем мысу. Чтобы на Шпицбергене кто-то совершил преднамеренное убийство? Нет, подобное невысказано. На этих островах такое просто-напросто невозможно.

Когда инспекторы подошли к «Белому медведю», на них были чёрные куртки с эмблемой управления и золотистыми полосками на плечах.

– Как-то здесь пустынно. Такое впечатление, что на борту ни души.

– Вряд ли они все сошли на берег. Наверняка спят.

Они подставили трап и забрались на борт. С громким стуком спрыгнули на палубу, но на стук никто не вышел – ни пассажиры, ни экипаж. Инспекторы вошли в открытую дверь и дошли до рубки, где увидели храпящего в капитанском кресле матроса.

– Ну, по крайней мере, на борту есть люди, – прошептал Кнут, – давай спустимся в кают-компанию.

Но и там тоже было пусто. Турбьёрн пожал плечами. Напарники уже развернулись и собирались вернуться на палубу, когда на трапе появился капитан – всклокоченный и с опухшими глазами.

– Ох ты чёрт, – пробормотал он, – что-то я заспался. Все остальные ушли в «Кингс Бей» – оттуда начальник заходил и пригласил их на завтрак.

Здание столовой в Нью-Олесунне, как и бетонные громады возле причала, было построено в тех же 50-х годах и воплощало характерную для тех времён страсть к серым громоздким постройкам. Красивым это здание никто не назвал бы, однако учёным, приезжавшим в Нью-Олесунн из года в год, нравились и его неказистый фасад, и старомодное убранство. На первом этаже располагались просторная раздевалка, несколько туалетов, два больших морозильных помещения и промышленный холодильник. Во времена шахтёров здесь хранилось продовольствие, которого было достаточно, чтобы прокормить триста человек на протяжении всей зимы.

На втором этаже находились общая гостиная, салон и огромная кухня, где в ряд выстроились плиты, в своё время работавшие сутки напролет.

Сойдя на берег, стюард направился напрямик сюда, в кухню. Он уселся за маленький столик, накрытый грязноватой скатертью, и вытащил пачку табака для самокруток.

– Чудненько всё сложилось, ничего не скажешь. А я-то думал, что мы двинемся на север. И вот пожалуйста – мы снова в Нью-Олесунне. Причём ведь меньше суток назад отчалили отсюда! И теперь вообще непонятно, на сколько мы тут застряли.

В ответ повар лишь что-то пробормотал себе под нос. Он жарил яичницу и выкладывал готовые порции на большое блюдо.

– Но какое, к чёрту, на Шпицбергене убийство? Кто мог такое сотворить? Смысл-то в чём? – стюард зажал в зубах самокрутку, зажмурился и принялся размышлять вслух: – Похоже, в Нью-Олесунне все на месте. И в Лонгиере никто не пропал.

Повар словно воды в рот набрал.

– Может, он пришлый? Например, рыбак с какого-нибудь судна? Вот только не надо мне рассказывать, что эти – там, на вышке, – знают про все иностранные суда, которые снуют тут в окрестностях. Зимой это маловероятно, – он вскочил и затушил окурок в кофейном блюдце, которое служило здесь пепельницей, – по-моему, надо мне всё же поговорить с этим

английским инспектором.

Повар с отсутствующим видом кивнул, ни на секунду не отрываясь от яичницы. Он старался не нарушать старого жизненного правила всех поваров Нью-Олесунна, согласно которому им не следовало вмешиваться в дела, их не касающиеся.

Стюарду Юхансену долго искать не пришлось – Себастьян Роуз с женой и полевым инспектором Фьелем сидели в гостиной. За другими столиками, бледные и серьёзные, расположились остальные пассажиры с «Белого медведя». Когда стюард выдвинул стул и уселся за столик инспектора, Кнут Фьель, что-то говоривший по-английски, удивлённо посмотрел на стюарда, но продолжал говорить:

– ... Вот так обстоят дела. В управлении считают, что речь идёт о несчастном случае, просто-напросто потому что убийство на Шпицбергене – вещь совершенно невообразимая.

Эмма Роуз взглянула на мужа, но улыбки на её круглом розовощёком лице не было. Она вяло ковырнула вилкой яичницу с беконом.

– Мой муж считает, что на месте преступления он заметил нечто такое, что свидетельствует об убийстве. Верно ведь, Себастьян?

Себастьян Роуз посмотрел на жену и подумал, что именно она больше всех остальных говорила о каком-то неприятном чувстве, возникшем после того, как их пригласили на завтрак сюда, в Нью-Олесунн. Он поддразнивал её, говоря,

что она просто плохо реагирует на смену погоды и что это чувство возникло из-за холодного и влажного тумана, улёгшегося на старые дома. Однако он сознавал, что она права, хоть и не понимал толком, каким образом она умудрилась сделать подобные выводы на основании того, что он рассказал ей о страшной находке.

Роуз повернулся и перехватил взгляд молодого полевого инспектора.

– Место, где нашли голову, – что-то с ним было не так. Сейчас я уже не вспомню, что именно. Я попытался было уточнить у Ады Хемминг – это та самая девушка, которая обнаружила голову, – но заставлять её вновь пережить тот миг, когда она вытащила из могилы отрезанную голову, просто бесчеловечно, – инспектор Роуз выложил на стол стопку исписанных листков. – Я отметил, где все пассажиры находились вчера вечером, а также чем занимались и что могли видеть или заметить. Но, боюсь, особого интереса эти заметки не представляют.

Кнут взял бумаги и благодарно кивнул.

– В одном из тех старых домов у нас что-то вроде офиса. Лучше будет мне это забрать туда – у нас там факс. Правда, не уверен, что он работает. Телефонная связь между Нью-Олесунном и Лонгиером идёт по радиолинии, установленной на леднике Конгсбреен. Иногда связь есть, а иногда она пропадает. Это зависит от того, заряжены ли аккумуляторы.

Он опустил глаза и, поправив очки в стальной оправе, по-

грузился в чтение. Все остальные молча смотрели на него.

– А голова не могла случайно закатиться в могилу? – спросил он наконец. – Вы не обратили внимания, как именно лежала крышка гроба? Может, она уже была разбита?

– Лорелей Хемминг утверждает, что нет, – вмешалась Эмма Роуз, – не знаю, что именно она рассказала тебе, Себастьян, но мы с ней сегодня ночью немного поболтали. Она совершенно уверена, что крышка лежала чуть кривовато и на ней была трещина, но не более того. Миссис Хемминг интересовал череп. Он лежал сбоку, так что сквозь трещину она разглядела часть черепной коробки и глазницу. Она говорит, что ошибиться не могла. Содержимое могилы стало видно, лишь когда миссис Хемминг наступила на крышку и та вдребезги разлетелась. Но она упала на спину, так что ничего не заметила.

– Мне она рассказала то же самое, – подтвердил инспектор Роуз. – Ада Хемминг – единственная, кто увидел содержимое могилы, пока не сбежались все остальные. Но она, как я уже сказал, не самый надёжный свидетель. Она говорит, что голова лежала с противоположного края могилы.

– Похоже, остальных пассажиров намного больше тревожит самочувствие Ады Хемминг, – заметил Кнут Фьель, изучая записи. – Вижу, фотограф из «Evening Standard» сделал довольно много снимков. Интересно будет их проявить и проверить, нет ли на них чего-нибудь важного.

До этого момента стюард Юхансен молчал, но сейчас

решил изложить свою версию, что умерший мог прибыть на Шпицберген на иностранном судне. Выслушав его, Себастьян Роуз вежливо улыбнулся, но покачал головой:

– Давайте будем исходить из того, что это преступление и что преступник спрятал голову в могилу, чтобы скрыть улики. Значит, он знал о существовании этих могил. И знал, где они находятся. С трудом верится, что моряк-иностранец мог знать, где на Шпицбергене старые захоронения. Не стоит забывать, что даже сейчас, в конце июня, кое-где здесь лежит снег. А я уверен, что голову положили в могилу не накануне, а намного раньше. Она так выглядела... Ну, я не уверен, но предположил бы, что голова пролежала там несколько месяцев, – инспектор Роуз огляделся, но, похоже, больше никто его не услышал.

– В марте я ездил туда на снегоходе, – сказал вдруг стюард, задумчиво глядя вперёд, – мне иногда нравится взять вот так и уехать подальше от всех. Вы даже не представляете, насколько стюардам в Нью-Олесунне нелегко живётся. Покоя нет ни днём, ни ночью. Ну да я не об этом сейчас. Я о том, что в тот раз добрался и до Птичьего мыса.

Кнут Фьель так внимательно разглядывал Пола Юхансена, словно впервые заметил его.

– У нас нет никаких оснований полагать, что убийство произошло в марте. Сначала надо дождаться заключения патологоанатомов. Но уж если ты заговорил об этом – когда ты ездил туда, ты видел что-нибудь необычное? Ты что, подь-

езжал прямо к могилам?

– Нет, до самих могил я не доехал, – признался стюард.

– Но зачем вы туда ездили? – помешивая чайной ложкой в чашке, Эмма Роуз с любопытством посмотрела на стюарда. – Там есть маленький домик, вы хотели добраться до него?

– Нет, эта избушка заперта – это часть радиомаяка. Я собирался доехать до Нью-Лондона на другом берегу Конгсфьорда и поехал прямо по льду фьорда. В 1920-х там пытались наладить разработки мрамора, и ещё с тех времён остались старые английские домики. Некоторые из них перенесли в Нью-Олесунн, но три домика осталось стоять на том берегу. Кстати, во время инспекций губернатор ночует в одном из них, – стюард взглянул на Кнута. – Я собирался перебраться через горы и спуститься вниз, к домику под названием «Кэмп Зоэ» на берегу Кросс-фьорда. Но за несколько дней до этого был сильный снегопад, и снегоходную трассу так занесло, что я поехал на ледник 14 июля, к другому домику. Кстати, его владелец – наш губернатор. Лет шестьдесят-семьдесят назад его дедушка, Рафаэль Берг, был тут, на Шпицбергене, охотником. А вот судя по внуку, этого не скажешь. В Лонгиере говорят, что он больше похож на заваленного работой бухгалтеря.

Он вытащил самокрутку и сунул её в рот, однако закуривать не стал.

– По пути назад я решил было заехать в Сарстанген, но это далековатое, так что вместо этого я поехал на Птичий мыс.

Никого, кроме меня, там не было. Правда, на льду возле берега я заметил свежий след от снегохода, но в этом ничего удивительного нет. В марте все местные жители расчехляют скутеры и катаются.

– Ну, теперь мы, по крайней мере, знаем, что в марте там были вы, – улыбнулась Эмма Роуз.

Пол Юхансен рассмеялся.

– Но я голову в могилу не прятал. Убей я кого-нибудь, то засунул бы тело в мясорубку, а из фарша приготовил бы ужин.

– Давайте не будет забывать, что ведётся расследование, – все эти шутки явно вывели Фьеля из себя. Он резко поднялся, собрал со стола листочки и коротко кивнул инспектору Роузу: – Не прогуляйтесь со мной до нашего домика? А оттуда мы позвоним в Лонгиер, в управление губернатора.

Они вдвоём направились к двери, а Эмма Роуз с улыбкой похлопала стюарда по руке.

– Ай-яй-яй, – сказала она, – не надо так шутить с этим молодым человеком. Уж очень он серьёзно относится к своей работе. К тому же мой муж согласен – он тоже считает, что убийство произошло здесь, в Нью-Олесунне или где-то в окрестностях. И тогда получается, что убийца – местный. Согласны?

Самолёт до Шпицбергена вылетал на следующее утро. Билет оказался недешёвым. Значит, по приезде придётся

экономить.

Изначально он планировал купить билет в один конец, но в агентстве его отговорили. Сказали, что полиция острова крайне подозрительно относится к тем, кто покупает билеты в один конец. А забронировав билет в два конца, он обеспечивал себе спокойное пребывание в Лонгиере.

Обратный рейс он забронировал на 15 июня. Значит, на острове он пробудет три месяца с небольшим – и этого достаточно, чтобы успеть сделать всё задуманное.

На борту самолёта, салон которого был заполнен лишь наполовину, он плотно позавтракал и вытащил папку, где хранились газетные вырезки. Он отметил номера телефонов, по которым собирался позвонить.

Другие пассажиры вокруг болтали и смеялись, занятые своими делами. Он почувствовал внутри какую-то необъяснимую пустоту. Женщина, сидевшая неподалёку, несколько раз взглянула на него. В этом он был уверен. Однако когда он улыбнулся ей, она отвела взгляд.

Глава 6. Управление губернатора

Мучить его начали сразу, в приёмной.

– Губернатор Берг? Это из «Свалбардпостен». Они уже много раз звонили. Вы возьмёте трубку? – молодая секретарша в очках боязливо посмотрела на него.

– Нет, здесь, в приёмной, я по телефону разговаривать не буду. К тому же они и подождать могут. Попросите перезвонить попозже.

– Я уже просила несколько раз, и теперь редактор Опедал сердится...

Губернатор молча посмотрел на неё и прошёл по коридору в свой кабинет.

– Да. Алло? Да, губернатор на месте, но он немного занят... Нет, этого я не знаю. Да, я передала ему. Он обязательно перезвонит, когда освободится.

Редактор Опедал уже пытался разузнать хоть что-нибудь у дежурного и консультанта по связям с общественностью. Но безрезультатно. Он позвонил напрямую заместителю губернатора, но та тоже не брала трубку.

– Просто не верится... – пробормотал он, – так-то мы обращаемся с журналистами! А ведь это чёртово управление губернатора – государственная структура! Они просто обязаны отвечать на подобные запросы! Мне что, и правда завалиться туда и караулить в приёмной?!

Управление губернатора находилось на окраине Лонггера, на холме, откуда открывался вид на долину. Прямоугольное здание казалось более просторным, чем на самом деле. Рядом с ним располагался дом губернатора, бревенчатый деревянный сруб с камином в большой гостиной и пристройкой, где губернатор принимал официальных гостей и устраивал для них торжественные ужины.

Средства на ремонт здания выделялись довольно редко, а хватало их, как правило, на новый линолеум и пару стульев. Но всех такое положение вещей вполне устраивало. От простых полок с документами и желтоватых деревянных столов веяло спокойствием и стабильностью.

Кабинеты были маленькими – все, кроме губернаторского. В его кабинете хватало места для двух кресел, низенького кофейного столика и небольшого стола для совещаний с расставленными вокруг стульями. Возле стены стоял стеллаж из тёмного полированного дерева, а в нижней его части полки закрывались дверцами. Над столом висела большая карта Шпицбергена. Когда-то давно губернатор воткнул большие красные кнопки туда, где были полицейские посты. Однако вскоре жители города принялись подшучивать над ним – мол, губернатор разработал целый план вторжения на их территорию, и кнопки пришлось вытащить. Теперь губернатор довольствовался едва заметными карандашными пометками. Тем не менее, ему нравилось стоять возле карты, рассматривая территорию, которую он вполне мог назвать

своим королевством.

Жители Лонгиера подозревали, что все сотрудники управления неплохо осведомлены о происходящем на Шпицбергене. Так оно и было. Слышимость в здании была настолько хорошей, что каждый полицейский прекрасно знал, чем занимаются коллеги. В соседнем с губернатором кабинете работал административный директор, молчаливый мужчина с морщинами на лбу. Казалось, будто его снедает вечное беспокойство, но на самом деле основной чертой его характера было равнодушие, граничащее с нежеланием работать. Губернатор Берг считал сотрудника, обладающего подобным качеством, лучшим соседом.

Даже в нерабочие часы в кабинетах и коридорах стоял запах бумажной пыли, старых книг и свежесваренного кофе. Этот запах действовал на сотрудников самым успокаивающим образом и даже определял темп работы. Служащим работа нравилась, и они старались хорошенько вникнуть в дела, над которыми работали. Они никуда не торопились. Бывали у них и объёмистые дела, занимавшие не одну страницу. Вот только прежде им никогда не доводилось расследовать убийства.

Практические детали расследования губернатор Берг доверил своему заместителю Анне Лизе Исаксен. Эта худощавая нервная женщина проработала в управлении уже два года и имела склонность необычайно усложнять всё ей порученное.

ченное. Попавшие в её ведение дела быстро обрастали всеми мыслимыми и немыслимыми сложностями. Она изучала, вникала, рассматривала, систематизировала и сравнивала с другими делами. Однако заканчивала она лишь тогда, когда кто-то из коллег решительным шагом заходил к ней в кабинет и грозил забрать у неё дело.

Заместитель губернатора Анна Лиза Исаксен была амбициозной и страстно желала побыстрее шагнуть дальше, вверх по карьерной лестнице. Ей хотелось занять место Берга, когда тот наконец решит вернуться на материк. Расследование убийства было шансом, упускать который было никак нельзя. Однако она никогда прежде с убийствами не сталкивалась, но понимала, что в первую очередь следовало вызвать сюда криминальную полицию из Осло.

Когда на следующее утро после того, как туристы нашли отрезанную голову, Анна Лиза вошла в комнату для совещаний, оба старших инспектора сидели за большим старым столом, обложившись всевозможными картами. От недосыпа Том Андреассен побледнел и выглядел измученным. Вообще-то его дежурство закончилось несколько часов назад, но домой он уйти не мог – сначала нужно было ввести в курс дела всех остальных. Второй старший инспектор, Хеннинг Му, прослуживший в управлении уже пять лет, был, можно сказать, ветераном. Он считал Анну Лизу с её толстой тёмной косой и в больших очках, то и дело сползавших на кончик носа, просто очаровашкой. По мнению коллег, он черес-

чур долго просидел в холостяках, а сама Анна Лиза даже и не догадывалась о слабости, которую питал к ней старший инспектор Му. В её глазах он был лишь назойливым подчинённым.

Она уселась за стол, и её коллеги подняли глаза.

– Непросто всё это, Анна Лиза, – серьёзно проговорил Хеннинг Му, – кого из нас ты отправишь в Нью-Олесунн?

– Пока не знаю, об этом я ещё не думала. Нам что, надо кого-то срочно туда отправить? Может, криминальную полицию дождёмся?

Том Андреассен покачал головой:

– Нет, там сейчас только два временных инспектора, им одним не справиться. В Нью-Олесунн надо отправить кого-то, кто знает, что такое расследование.

– Пока можно не дёргаться, – Хеннинг Му потянулся за термосом с кофе, – в Нью-Олесунне туман. Я поговорил с метеорологом в аэропорту – завтра после обеда ожидается ветер, и туман, возможно, разгонится. Но это только прогноз.

На пороге появился губернатор Берг. Сердито оглядевшись, он спросил:

– Вы что, без меня начали? – Подволакивая одну ногу, он подошёл к столу и, поморщившись, опустился на стул. – Анна Лиза, надеюсь, ты вызвала всех, кто может помочь в расследовании?

– Конечно. Они скоро подойдут.

– Сейчас уже девять утра. Что значит «скоро»? Разве ни-

кто не знает, что случилось?

Анна Лиза вопросительно посмотрела на Тома Андреасена.

– Я рассказал обо всём Хьеллю. Ведь это связано со старыми голландскими могилами. А ещё я позвонил нашему консультанту по связям с общественностью. Но больше я никому ни о чём не говорил – думал, что вы сами захотите ввести их в курс дела. К тому же была ночь и все спали.

В помещение вошёл консультант по культурному наследию Шпицбергена Хьелль Лоде с чашкой кофе в руках. Заговорил он, ещё не дойдя до стула:

– Нам надо связаться с крупными организациями на Шпицбергене и выяснить, не пропал ли кто-то из их сотрудников. Сделать это надо так, чтобы никто ни о чём не догадался. Впрочем, долго скрывать всё равно не получится. Люди непременно начнут болтать. Здесь, в Лонгиере, слухи быстро расползаются – ну, вы и сами знаете.

Хьелль прожил на Шпицбергене дольше других сотрудников управления – в общей сложности он пробыл здесь целых пятнадцать лет, а на материке бывал лишь короткими наездами. Уклад жизни в Лонгиере он знал не понаслышке. Вдобавок он отличался покладистым характером и замечательным чувством юмора, благодаря чему пользовался всеобщим расположением. Он прекрасно ладил и с завсегдатаями ужинов в доме губернатора, и с немногочисленными прихожанами местной церквушки, и с собирающимися в пабе

шахтёрами.

Последним, кому Анна Лиза велела явиться на совещание, был консультант по связям с общественностью Туре Айкер. Открыв дверь в кабинет, он выронил несколько листов бумаги и озадаченно огляделся.

– А мне точно сюда? Тут, похоже, только полицейские... Вы уверены, что я вам нужен? Это что, опять по поводу той брошюры?

Анна Лиза опасливо переглянулась с остальными.

– Да, ты нам нужен. В Нью-Олесунне случилось кое-что непредвиденное. Возможно, речь идёт об убийстве. Тебе ещё не сказали? Не исключено, что это несчастный случай. Нам пока ещё известно крайне мало, но ты с самого начала должен включиться в работу. Это дело будет освещаться в прессе.

Туре Айкер перестал рассматривать лежащие на полу листки бумаги и возмущённо взглянул на начальницу.

– Но я в этом никак не смогу участвовать! – сказал он. – Я сегодня улетаю на материк. Мы с женой едем на две недели в отпуск в Таиланд – уже давным-давно всё распланировали! И отменить это сейчас просто не получится.

Разосланные по разным организациям запросы из управления – будто бы случайные – успехом не увенчались. Судя по полученным ответам, среди жителей Лонгиера пропавших не было. Из Нью-Олесунна сообщили, что там тоже ни-

кто не пропадал. По словам начальника «Кингс Бей», число туристов у них совпадало с пассажирскими списками и авиабронью.

Полевой инспектор Кнут Фьель поделился крайне важным предположением: человеческие останки, найденные на Птичьем мысу, лежали практически под открытым небом. Плюсовая температура установилась всего несколько дней назад. Голова вполне могла пролежать там с осени и оттаяла только сейчас.

Но даже увеличив временной отрезок, полиция не обнаружила ни одного пропавшего. Неужели кто-то и впрямь ускользнул от проверяющих в аэропорту Лонгиера и скрылся на одном из островов архипелага, нигде не зарегистрировавшись? Или, может, это был моряк, повздоривший с кем-то из экипажа и поплатившийся за это жизнью? Может, его тело просто-напросто взяли и выбросили, где пришлось? И, возможно, это было иностранное судно – траулер или яхта? Но в этом случае почему капитан не сообщил об исчезновении?

– Если исключить всё то, чего произойти не могло, то останется лишь одна версия того, что случилось. И эта версия, какой бы неправдоподобной она ни казалась, окажется верной, – с довольным видом заключил старший инспектор Хеннинг Му, процитировав, пусть и с ошибками, слова Шерлока Холмса. Инспектор всегда восхищался этим великим детективом.

– И что получается? – устало и раздражённо спросил Том Андреассен. – Какая же версия у нас останется? Да никакой! Чья это вообще голова? Как она оказалась на Птичьем мысу? Её что, с самолёта скинули?

Губернатор лично связался с криминальной полицией. Раньше он с ними дела не имел. В тех полицейских участках, где он служил до приезда на Шпицберген, им везло, и убийств расследовать не приходилось. Поэтому к телефонному разговору он основательно подготовился. Но, несмотря на это, там к его сообщению отнеслись недоверчиво, хоть и вежливо. В полиции сочли, что скудные сведения, полученные Томом Андреассеном от пассажиров «Белого медведя», указывают на то, что произошёл несчастный случай, который по той или иной причине просто похож на преступление.

– Мы и сами сделали подобный вывод, – раздражённо сказал губернатор Берг следователю, с которым он разговаривал. Переговорив с множеством людей в главном управлении криминальной полиции в Осло, губернатор наконец добился, чтобы его соединили с тем, с кем нужно. Дело об убийстве на Шпицбергене досталось старшему следователю Юнасу Люнду Хагену.

– Так вот – мы здесь пришли к такому же выводу. Но проблема в том, что личность жертвы совершенно невозможно установить. На Шпицбергене очень сложно что-то спрятать. В год мы получаем мало сообщений об исчезновении людей, да и тех, как правило, находим – живых или мёртвых.

Губернатор Берг и Люнд Хаген решили немедленно начать расследование. Самым важным было установить личность жертвы, поэтому голову требовалось как можно быстрее переправить в патологоанатомическую лабораторию в Осло. Но кроме этого, необходимо срочно и тщательно осмотреть место, где нашли голову.

– По крайней мере, это место теперь огорожено, – сообщил губернатор, рассказав Люнду Хагену об инспекторе британской полиции.

– Поймите, мы не хотим, чтобы на этом месте топтались посторонние. Это крайне важно, – сказал Хаген, веско проговаривая каждое слово, – я вовсе не сомневаюсь в методах британской полиции, но это расследование мы ведём без посторонней помощи. У нас собственная методика, от которой мы не имеем права отступать. В противном случае ход расследования может быть нарушен.

Полицейские из криминальной полиции могли приехать на Шпицберген не ранее чем через два дня – ровно столько требовалось, чтобы подготовить команду, оборудование и разработать методику расследования убийства в самом северном городе мира.

Рукописные заметки, сделанные инспектором Роузом по итогам его бесед с другими туристами, были переправлены по факсу в управление губернатора в Лонгиере. Анна Лиза Исаксен ознакомилась с ними, но это делу не помогло. Туристы лишь обнаружили голову, но ни малейшего отноше-

ния к убийству не имели. И никто из них ничего необычного на месте находки не заметил. Впрочем, подчеркивалось в записях, никто из туристов не знал Шпицбергена. Природа Птичьего мыса, захоронения на каменистой поляне, да и вся ситуация в целом были настолько непривычными для большинства из них, что они ничего не заподозрили бы, даже если бы у них прямо перед носом произошло нечто из ряда вон выходящее. В этом смысле со стюардом, Полом Юхансенем, дело обстояло иначе, ведь он и прежде бывал на этих могилах. Но даже стюард не смог сообщить ничего интересного.

Анна Лиза отправилась на поиски губернатора Берга. После совещания он скрылся у себя в кабинете и больше утром не показывался. Она приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

– Ханс? Вы здесь? Нам прислали записи этого англичанина. Не хотите взглянуть? Хотя на многое не рассчитывайте...

Ответа не последовало. Анна Лиза прошла в кабинет и вдруг испуганно вскрикнула. Губернатор сидел, наклонившись над столом и зажмурившись. В лице его не было ни кровинки, а само лицо искажено гримасой. Похоже, ответить он был не в состоянии. Анна Лиза бросилась к нему и схватила за плечо. Губернатор запрокинул голову и застонал.

– Прошу тебя, не трогай меня.

– Боже мой! Да что с вами такое? Вы что, отравились? Что случилось?

Губернатор отвёл взгляд.

– Прости, мне ещё утром надо было рассказать. Вчера ве-

чером я пошёл прогуляться и как раз возле дома Свердрупа упал. Ужасно повредил колено. Только давай это останется между нами?

Анна Лиза озадаченно кивнула. Губернатор Берг нечасто доверялся ей.

– Конечно, пусть останется между нами. Но, честно сказать, лучше будет, если вы пойдёте домой и примете какое-нибудь сильное болеутоляющее. И постарайтесь вообще не двигать этой ногой. А я займусь расследованием. Всё равно пока криминальная полиция не прибудет, сделать мы почти ничего не можем.

Она помогла губернатору обуться, одеться и пройти короткий путь от управления до дома. Ужасно хромая, он поднялся по лестнице и скрылся за дверью. Анна Лиза немного постояла, глядя ему вслед. Вот бы он ушёл на больничный – пусть и ненадолго. Как внушительно смотрелась бы в резюме должность «исполняющий обязанности губернатора» и как это помогло бы в будущем, когда она начнёт искать другую работу! Надо будет поговорить с ним – конечно же, осторожно и дипломатично.

Когда она вернулась, на диване в приёмной сидел редактор Опедал. На коленях у него лежал здоровенный зеркальный фотоаппарат, а сам редактор сердито листал туристическую брошюру. «И куда это подевался Туре Айкер как раз в тот момент, когда он хоть кому-нибудь понадобился?» – сердито думал он.

Анна Лиза поняла, что мимо Опедала так просто не проскочить, и пригласила его в зал для совещаний – туда, где на столе по-прежнему были разложены карты. Она потратила целый час, рассказывая ему о каких-то незначительных деталях, и в конце концов Опедал вскипел. Да как они смеют так обращаться с прессой?! Ему и в голову не пришло, что в управлении тоже никто ни о чём не знает.

На следующее утро их маленькая команда встретилась снова, на этот раз без губернатора, который позвонил и сказал, что останется дома. Зато на встречу явился выпавший Том Андреассен. Рано утром Хеннинг Му уже переговорил с Кнутом Фьелем и Себастьяном Роузом, и те утверждали, что атмосфера в Нью-Олесунне неприятная.

– Это убийство, – настаивал англичанин, – никаких конкретных улик я назвать не могу, ведь ни голову, ни место мы толком не осмотрели, но вы уж поверьте моему опыту.

Хеннинг Му с благоговением относился ко всему британскому – от футбольных команд и сериалов до детективной литературы. А тут жизнь преподнесла такой подарок: ему довелось поговорить с настоящим британским следователем! Он и мысли не допускал, что инспектор Роуз ошибается. У инспектора Фьеля уверенности было значительно меньше, но и он подтвердил, что обстановка в Нью-Олесунне бывала и получше. Люди начали сторониться друг друга и всё больше сидят по домам. Большинство пассажиров «Белого медведя»

с судна не выходят. Капитан ясно дал понять, что они хотели бы освободить судовой холодильник от головы и быстрее двинуться на север.

Ещё Кнут Фьель спросил, нужно ли организовать в городе что-то типа патруля, и этот вопрос Хеннинг Му озвучил на утреннем совещании.

– А мы не преувеличиваем? – засомневалась Анна Лиза, однако Хеннинг Му поддержал предложение, поступившее из Нью-Олесунна.

– Знаешь, народа в Нью-Олесунне живёт мало. Вполне понятно, что это дело всех их выбило из колеи. И никогда не знаешь, что дальше произойдёт. В конце концов, здесь всего ничего до Северного полюса, люди ещё толком в себя не пришли после полярной ночи, и нервы напряжены до предела. Может, и неплохо будет, если Кнут с Турбьёрном пройдутся по посёлку и выяснят, что происходит.

Накануне вечером консультант по культурному наследию Хьелль Лоде обошёл в Лонгиере три бара, и благодаря этому у него сложилось чёткое представление об общественном мнении. Жители Лонгиера склонялись к тому, что это дело касается исключительно Нью-Олесунна, а к ним никакого отношения не имеет.

– Ты что такое болтаешь? – почти выкрикнула Анна Лиза. – Об этом что, уже в городе известно? Мы же решили не обнародовать пока детали? А если они уже в пабах об этом судачат, значит, скоро всё и в прессу просочится! Мне вчера

пришлось объясняться с Опедалом – Айкер к тому времени, естественно, уже ушёл домой. Но я ему ничего конкретного не сказала. В смысле, Опедалу.

Хьелль Лоде рассмеялся и налил себе кофе из термоса.

– Ну, это ты сглупила. Ты что, думаешь, редактор Опедал ещё не знает обо всём лучше нас? Будь уверена – ему известно намного больше.

Том Андреассен кашлянул и забарабанил пальцами по столу.

– Что ещё мы можем сделать?

Хьелль Лоде задумался. Они так и не установили личность умершего – и это удивительно. Ведь если есть тело, значит, этого человека кто-то должен искать?

– Знаешь что? – проговорил наконец он. – Съезжу-ка я в аэропорт и запрошу у них списки пассажиров за последние месяцы. А потом мы сядем и сравним все имена – приехавших на Шпицберген и уехавших отсюда.

Редактор «Свалбардпостен» готов был лопнуть от злости: когда он сообщил о случившемся в материковые таблоиды, ему едва поверили.

– Да ладно! У вас нашли человеческую голову? Просто так, прямо на земле? А оставшееся тело куда делось? Потеряли? – спросил один из репортёров.

«Вон оно куда повернулось. Занятно», – подумал Опедал, и тут в голову ему пришла одна идея. Впрочем, распростра-

няться о ней он не стал – напротив, ещё раз терпеливо рассказал о находке на Птичьем мысу и о том, что личность умершего не установлена. Затем он позвонил в другие столичные газеты и на телевидение.

Он не скрывал, что ждёт от каждого ответной услуги, но несколько раз оговорил, что цитировать нужно не его лично, а «Свалбардпостен». И само собой разумеется, пятничный номер газеты будет полностью посвящён случившемуся. Опедал согласился продать снимки лишь после того, как его собственная газета их опубликует. Впрочем, никаких стоящих фотографий у него всё равно не было, так что на этом он ничего не выигрывал. Но фотографии были нужны... Опедал посмотрел на часы. Стрелки едва перевалили за девять. Редактор позвонил знакомому, чья контора располагалась прямо возле причала в Лонгиере.

Когда спустя пятнадцать минут машина Опедала подъехала к небольшой бухте, Томас Карлсвик, владелец фирмы «Полярная логистика», уже приготовил скоростную резиновую лодку, дополнительные канистры с горючим и водонепроницаемый термокостюм.

– Но это всё ты мне просто одолжишь. Платить я не стану.

– А куда ты собрался-то?

– Не твоё дело.

Карлсвик понял: что-то происходит.

– Тоже мне секрет. Ты на Птичий мыс намылился! Охренеть! Давай поосторожнее. Там туман. И льда в воде полно.

– Держи язык за зубами. Я вернусь самое позднее после обеда.

– Мне что, с тобой не ехать?

– Нет, я один справлюсь. Как вернусь – позвоню. Если до шести от меня ничего не услышишь, возьми лодку и начнешь меня искать.

Опедал завёл двигателя и отшвартовался.

– Губернатору ни слова!

– Да я что – псих, что ли?! – крикнул ему вслед Карлсвик.

Он собирался перекинуться парой фраз с другими пассажирами, возможно, познакомиться с кем-нибудь. Но быстро заснул, спал крепко, уже когда пролетали над островом Медвежий. В салоне было тепло и тихо, и он проснулся лишь в Лонгиере, во время посадки.

Пассажиры медленно двинулись к трапу. Человек, придерживающий дверцу самолёта у трапа, был одет в утеплённый комбинезон, а капюшон туго затянул под подбородком. От нетерпения под ложечкой у него засосало.

Тем не менее, ступив на трап, он будто окаменел. Перед ним по аэродрому, спотыкаясь, бежали пассажиры – они спешили быстрее очутиться внутри, под крышей. Он оказался совершенно не готов к холоду, который, как ему показалось, железными пальцами вцепился в лицо. Ледяной воздух словно превращался в вязкую, разъедающую всё жидкость, которая попадала ему прямо в лёгкие.

Другие пассажиры, которым было куда торопиться, начали подталкивать его в спину, и вскоре он вновь был в тепле. Шагнув в просторный зал прилётов, он огляделся. В углу уже громоздились первые тележки с багажом. Но холод на улице так поразил его, что он замер, наблюдая, как другие пассажиры разбирают чемоданы и рюкзаки.

Он почувствовал вдруг, что здесь, внутри, тоже не очень-то тепло, и его пробрала дрожь – она словно пролезла прямо под толстый пуховик, который он вообще собирался оставить дома. Ведь он-то думал, что в пуховике ему здесь будет жарковато...

Глава 7. Догадки и домыслы

Позже редактор Опедал неоднократно будет рассказывать всем желающим, что не было в его долгой журналистской карьере на Шпицбергене минут хуже, чем те, что он пережил во время поездки на Птичий мыс в резиновой лодке. Хотя туман над Исфьордом немного рассеялся и погода стояла как раз такая, какая бывает в безветренный июньский день, воздух по-прежнему оставался холодным.

В воде повсюду плавали льдины. Море было тихим даже в устье Ис-фьорда, на выходе в открытое море. Сначала Опедал прибавил газу, и лодка запрыгала по воде со скоростью больше тридцати узлов. Однако вскоре она наткнулась на чуть притопленный и поэтому не заметный снаружи осколок льда. Столкновение было настолько сильным, что чудом удалось не перевернуться. После этого он сбавил скорость, так что до северной оконечности Земли Принца Карла добрался лишь к двенадцати.

Он направил лодку на каменистую отмель и накинул трос на выброшенные на берег брёвна. Опедал заглушил мотор и прислушался. Тишину здесь нарушали лишь тихий плеск волн и крики птиц, доносившиеся с птичьего базара, давшего название мысу.

Опедал огляделся. Прежде ему ещё не доводилось здесь бывать. Сказать по правде, редактора никак нельзя было на-

звать любителем отдыха на природе. Ему вдруг стало не по себе. Может, стоило принять предложение Томаса Карлсвика и взять его с собой? Но Опедал прекрасно понимал, что втягивать в это ещё и Томаса было бы нечестно. Узнав, что Опедал без разрешения побывал здесь, губернатор наверняка разозлится.

Если верить карте, старые голландские захоронения находились по ту сторону невысокого каменистого холма. Редактор зашагал вверх, пыхтя под тяжестью рюкзака с фотоаппаратурой. Да уж, его старый добрый «Хассельблад» иногда доставлял и неудобства.

Пока Опедал почти ползком взбирался по скользкому склону, он вспомнил, что оружия с собой не захватил. Даже ракетницы. Когда по ту сторону холма мелькнуло что-то серовато-белое, он вздрогнул, но это оказался всего лишь снег.

В конце концов он всё же добрался до захоронений. Уж это место ни с чем не спутаешь. С самого края виднелся гроб с треснувшей деревянной крышкой. Импровизированное ограждение, сооружённое пассажирами, частично провисло, а листок бумаги валялся на земле. На нём по-английски было написано: «Приказом губернатора Шпицбергена...»

– Да поцелуйте меня в задницу... – пробормотал Опедал, – ничего противозаконного я не делаю, потому что это не полицейское заграждение. К тому же он прекрасно знал, что по возвращении в Лонгиер беспокоиться о законах ему

придётся в последнюю очередь.

Он настроил фотоаппарат и сделал несколько снимков общего плана. Свет как раз был что надо: туман исчез, но солнце ещё не вышло из-за облаков.

Он решил немного осмотреться, а потом подойти поближе к гробу. А вдруг он найдёт всё остальное... Вот будет сенсация... Но туристы и впрямь неплохо прочесали окрестности. Земля вокруг была покрыта тонким слоем прошлогоднего мха, из которого местами торчали жалкие пожухлые пучки травы. Труп человека тут нигде не спрячешь...

Заглянув на всякий случай за большие камни, Опедал направился к могилам. Сначала он поживописнее разложил щепки от разбитой крышки гроба – так фото получатся интереснее. Потом он слегка разобрал гроб, так что стал виден лежащий в нём скелет. Выходило просто отлично! Опедал вдруг замер: а где, собственно, череп? Его надёжный источник сообщил, что голову нашли лишь благодаря драке, а причиной драки стал старый череп. Так куда же этот чёртов череп подевался?

Он осмотрел землю вокруг гроба, отбросил в сторону щепки и прочий мусор. Но черепа так и не нашёл. Странно... К нему вернулось то неприятное чувство, которое охватило его в самом начале. Опедал выпрямился и огляделся по сторонам.

Немного поодаль, на склоне холма, стоял старый домик, в котором располагались метеостанция и радиомаяк. Ему по-

казалось или из трубы и правда поднимался тоненький столбик дыма? Неужели там кто-то есть?

Больше всего на свете Опедалу захотелось собрать аппаратуру, закинуть на плечи рюкзак и со всех ног броситься к лодке. Но редактор «Свалбардпостен» трусом не был. Он понимал, что больше ему никогда не доведётся побывать здесь в одиночку. Так что придётся ему дойти до домика и проверить. Он вдыхал прозрачный полярный воздух и вслушивался в потрескивание почвы у себя под ногами. Если в доме люди, то они непременно его услышат.

Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В полутьме он никого не увидел. В прихожей лежали мешки с углём и вязанки дров, а ещё стояли ящики со всяким оборудованием. Помимо прихожей в домике имелось лишь одно помещение, служившее одновременно кухней и спальней. В левом углу стояла печка, а позади на стене были прибиты жаростойкие панели. Печка была холодной. Вода, накапавшая внутрь через печную трубу, превратила пепел в съёжившиеся комочки. Справа, под единственным окном, стоял маленький обеденный стол, под которым притулились две табуретки. Возле стены выстроились две двухэтажные кровати, похожие на полки в шкафу. Вдоль других стен тянулись полки с расставленными на них кастрюлями, банками старых консервов и коробкой со свечами и спичками.

В комнате было светло, а ставни на окне открыты, хотя обычно их закрывали – иначе подбиравшиеся к жилью белые

медведи разбивали окна. И людей в доме тоже не было. На кухонном столе под окном лежала гостевая книга, заложенная ручкой и словно готовая для записей. Последнюю заметку сделали поздней осенью. В ней было написано, что электрик, плотник и механик из Нью-Олесунна приезжали сюда на старой, принадлежавшей плотнику лодке. К концу заметки разобрать буквы было практически невозможно. Похоже, эти трое неплохо тут отдохнули.

На всякий случай Опедал сделал несколько фотографий комнаты и последней исписанной страницы в гостевой книге, а затем вышел на улицу. Сначала он хотел было прикрыть ставни, но потом решил оставить всё так, как было.

Собственно радиомаяк и метеостанция располагались в маленькой пристройке, но там ничего, кроме оборудования, не было. Редактор радовался, что домик оказался пустым, гордился собственной храбростью и по-прежнему удивлялся пропаже черепа. Однако теперь у него был почти готов основной материал для газеты и имелось несколько уникальных снимков, за которые газеты на материке с удовольствием заплатят.

Опедал зашагал к лодке. Вообще-то отсюда недалеко до Нью-Олесунна... Может, заглянуть и туда? Заодно и пообедал бы. Но потом он вспомнил про полевых инспекторов: если те догадаются, что он побывал на Птичьем мысу и сделал там снимки, то могут конфисковать плёнку. Он вздохнул. Если он хочет отправить плёнку в Тромсё самолётом,

чтобы снимки появились уже в следующем номере «Свалбардпостен», то надо поспешить в Лонгиер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.